

A.116.
1908
-5-6.

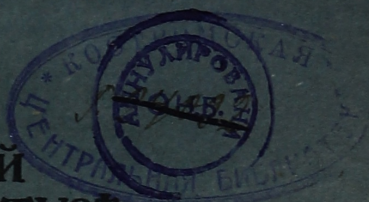
№

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

5—6

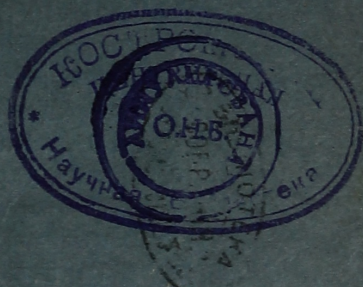
МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЬ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЪ

18064

М А Й
и
І Ю Н Ъ

Ивановская Областная
Научная Библиотека

1941

1908
СПБ

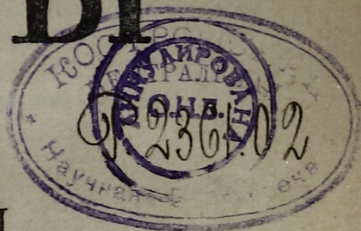
№

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

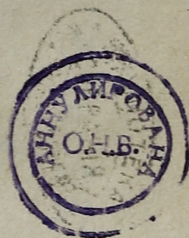
5—6

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЬ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРѢ

МАЙ
и
ІЮНЬ

Ивановская Областная
Научная Библиотека

1908
СПБ

Изъ исторіи рабочаго движенія въ Ивано-Вознесенскомъ промышленномъ районѣ.

(1897—1900 г.г.)

Историческія судьбы села Кохмы и развитіе въ немъ крупной промышленности.

Лѣтъ двадцать тому назадъ съ лишимъ въ полуверстѣ отъ Кохмы ¹⁾, по Шуйской дорогѣ, стояла барская усадьба. Широкая березовая аллея вела къ старинному дому со службами, тѣнистый садъ съ заросшимъ прудомъ спускался къ рѣкѣ Уводи.

Въ домѣ доживала свой вѣкъ послѣдняя владѣлица усадьбы М. П. Новосильцева. Въ старинной прическѣ и платьѣ стариннаго фасона она по пѣлымъ часамъ сидѣла недвижная въ глубокомъ креслѣ у окна,—словно символъ умирающаго прошлаго,—задумчиво погруженная въ свои воспоминанія о далекихъ, когда-то свѣтлыхъ для нея временахъ.

Фрейлейна при дворѣ императора Николая I, она важно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма радушно принимала по временамъ своихъ гостей и крестниковъ,—кохомскихъ фабрикантовъ и ихъ дѣтей, словно изъ глубины временъ помѣщичьяго владычества благословляя ихъ на новую власть надъ людьми. И въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе 40—45 лѣтъ власть помѣщичья быстро уступала въ окрестностяхъ Кохмы свое мѣсто власти промышленнаго капитала.

Рушился весь прежній укладъ, помѣщикамъ жить становилось нечѣмъ и не за чѣмъ...

1881 г. нанесъ М. П. Новосильцевой тяжкій ударъ: случилось что-то неслыханное,—она перестала понимать, что дѣлается вокругъ нея. Ея придворныя воспоминанія, связанныя съ личностью Александра II, всплыли въ послѣд-

¹⁾ Село Кохма Шуйскаго уѣзда находится въ 8 верстахъ отъ г. Иванова-Вознесенска и въ 18 отъ Шуи.

ній разъ яркимъ пламенемъ—и погасли. Какъ одинокій погибающій осколокъ старой помѣщичьей культуры, въ 1884 г. М. П. Новосильцева умерла. Вырубили березовую аллею, сожгли домъ, сломали службы. Садъ покрылся бурьяномъ,—и скоро отъ усадьбы не осталось слѣда.

За то въ Кохмѣ выросли новыя фабрики, и въ полной мѣрѣ расцвѣла новая власть надъ людьми—власть капитала.

Познакомиться съ исторіей села Кохмы и развитіемъ этой власти будетъ небезынтересно для читателей.

Наше село стало извѣстно въ началѣ XVII столѣтія (1619 г.) и называлось оно тогда Рождественнымъ ¹⁾ Кохмою, составляя собственность боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, героя войны время самозванца.

По духовному завѣщанію кн. Анисьи Петровны Шуйской въ 1637 году село Кохма съ волостью въ 600 дворовъ перешло въ собственность Суздальскаго Архіерейскаго Дома.

„Пресвященные Архіереи владѣли (Кохмою)“, говоритъ авторъ историческаго сказанія о градѣ *Суждалъ*, соборный ключарь Анавій Ѳедоровъ, „и ежегодно получали (съ нея) оброкъ не малой“ ²⁾.

Затѣмъ опредѣленіемъ монастырскаго приказа „тая волость за опредѣленную назначена, и оброкъ съ нея собирали въ Коллегію Экономіи, а изъ Коллегіи Экономіи отдана была иноземцу *Тамесу*, на содержаніе полотняной фабрики“ (при Петрѣ Великомъ).

Необходимо пояснить при этомъ, что нужды военныя и потребности преобразования поставили предъ Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII столѣтія задачу созданія русскихъ фабрикъ, и онъ, опираясь на капиталы, богато скопленные московскими торговыми людьми, а также иноземцами, щедро раздавалъ деревни и села промышленнымъ компаніямъ, желая обезпечить ихъ рабочими руками.

Иностранецъ Тамесъ сталъ тогда (въ 1720 г., по Я. П. Гарелину) во главѣ обширной компаніи русскихъ торговцевъ (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышова, Попова, Неврева, Затрапезнаго и другихъ), затративши на устройство полотняной мануфактуры капиталъ въ 51.700 руб. на тогдашній

¹⁾ Въ честь церкви во имя Рождества Христова, существующей и до сихъ поръ.

²⁾ Мѣстные жители рассказываютъ по слухамъ отъ своихъ предковъ, что пресвященные архіереи облагали Кохомцевъ оброкомъ съ каждаго двора. Такъ какъ это было обременительно, то жители начали строить дома, соединяя двѣ избы одними воротами. Тогда былъ изобрѣтенъ налогъ на окна. Въ результатѣ жители стали рубить въ избѣ только по одному окну, а по бокамъ его, вмѣсто обычныхъ двухъ другихъ, продѣлывать небольшія отверстія, такъ назыв., *волчьи* окна. Архіереи стали облагать Кохомцевъ съ дыма (съ грубы)—и Кохомцы стали топить избы по „черному“. Въ концѣ концовъ, по преданію, за оброкъ въ пользу Архіерейскаго Дома снятъ съ колокольни и увезенъ изъ Кохмы колоколь.

деньги. Изъ этой суммы 5000 рублей было получено компаниею въ ссуду отъ казны.

Легко себѣ представить, какъ жилось рабочимъ нановыхъ фабрикахъ. Правительство Петра I проявляло „безпредѣльную заботливость“ не къ рабочимъ, по мнѣнію одного живаго историка, а по отношенію къ фабрикантамъ, желая цѣной невѣроятныхъ усилій создать въ Россіи—странѣ съ первобытнымъ хозяйствомъ, свою фабричную промышленность. Высочайшимъ указомъ 18 января 1721 года на „купецкихъ людей“ было распространено право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни „подъ такой кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно.“ Специально Тамесу была дана привилегія, въ которой указывается, что поступающіе на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менѣе 10 лѣтъ (7 лѣтъ въ качествѣ учениковъ и не менѣе 3 лѣтъ въ качествѣ подмастерьевъ). За „подываніе работныхъ людей съ одной фабрики на другую“ до истеченія урочнаго срока работы былъ назначенъ огромный штрафъ, этотъ штрафъ уплачивался виновнымъ фабрикантомъ, рабочій же возвращался на фабрику прежняго своего хозяина и подвергался тѣлесному наказанію. Для увеличенія числа рабочихъ рукъ на фабрику принимались бѣглецы люди, ничѣмъ не прикрѣпленные къ ней. Это беспокоило фабрикантовъ, и въ 1736 году, между прочимъ, по прошенію Тамеса и его компаніоновъ, былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому всѣ тѣ мастеровые, которые во время изданія указа будутъ находиться на фабрикахъ и будутъ обучены мастерству, должны „вѣчно“ со всѣми своими семействами оставаться на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. Такъ мастеровые были прикрѣплены къ фабрикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отданы въ полную власть фабрикантамъ. Послѣднимъ предоставлено было право наказывать „домашнимъ порядкомъ“ вѣчно отданныхъ имъ мастеровыхъ, „которые явятся невоздержанные и ни къ какому ученію не прилежные“, а также отправлять ихъ въ Коммерцъ-Коллегію „для ссылки въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобъ другимъ былъ страхъ.“

Короче, съ рабочими обращались, какъ съ настоящими рабами. Работали они обычно свыше 14 часовъ въ сутки, въ фабрикахъ было темно, грязно и сыро...

По смерти Петра Великаго, съ паденіемъ реформаторскихъ плановъ преобразователя, въ эпоху императрицъ чрезвычайно возросло вліяніе дворянства. Изъ купеческихъ рукъ фабрики стали переходить дворянамъ. Не миновала этой участи и Кохма.

Уже въ 1730 году она была „отдана во владѣніе Василью Яковлеву Господину Новосильцеву и Данилу Иванову Чевкину.“ „Въ томъ селѣ Кохмѣ,“ говоритъ лѣтописецъ суздальскій Ананій Ѳедоровъ, „жители большею частію

шерстобиты, коновалы и работные, которые въ разныя мѣста по паспортамъ бывають отлучены и оттого пищу себѣ приобрѣтають, а торговыхъ людей весьма мало.“

Съ тѣхъ поръ во владѣннн Новосильцевыхъ, а частью и ихъ совладѣльцевъ и наслѣдниковъ, Кохма оставалась 130 лѣтъ вплоть до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года ¹⁾.

А работные люди занимались своимъ ремесломъ: ткачествомъ, крашеніемъ холстовъ, пряжи и набивкою по холсту, такъ наз., синей кубовой *набойкой*, отправляясь для производства этого ремесла въ низовые города и губерніи по Волгѣ.

Съ уничтоженіемъ фабрики Тамеса возникла въ Кохмѣ у нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ и собственная фабрикація полотенеъ, продолжавшаяся, по свидѣтельству Шуйскаго историка В. Борисова, до 1812 года. Ткачествомъ занимались, б. ч., женщины, но „съ этого времени полотнянная промышленность прекратилась, и взамѣнъ ея возникла ткацкая миткалевая, и стали устраиваться фабрики ситцевыя, какъ болѣе прибыльныя, и требованіе бумажнаго товару умножилось въ огромномъ количествѣ.“

Произошло это по слѣдующимъ вовсе не случайнымъ причинамъ. Какъ мы видѣли выше, крупное производство въ Россіи возникло по мановенію руки Петра Великаго, всецѣло опираясь на правительственную поддержку. Рабочіе были закрѣпощены за фабриками, такъ какъ свободныхъ рукъ въ то время (XVIII в.) не хватало, а принудительный трудъ былъ выгоднѣе свободного вслѣдствіе низкаго уровня техники. Въ XIX вѣкѣ положеніе измѣнилось.

Промышленность переросла государственннй спросъ. Возникла новая отрасль промышленности—хлопчатобумажная, опиравшаяся уже на народный рынокъ, правда, при покровительственномъ отношеніи къ ней государства, но безъ явной его поддержки.

Крѣпостной трудъ въ этой промышленности, при конкуренціи съ Западной Европой, гдѣ появилось тогда машинное производство взамѣнъ ручного труда, сталъ невыгоденъ. „Крѣпостное право стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на обще-экономическое и въ частности промышленное развитіе страны—и было отмѣнено“ ²⁾.

¹⁾ Передъ самымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости она принадлежала Новосильцевымъ, затѣмъ помѣщикамъ Луяину, Загоскину, Рубину и Вутурлянымъ.

²⁾ *Туланъ-Барановскій*. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Т. I. Изъ этого труда почерпнуто нами много цѣнныхъ для настоящаго очерка данныхъ. Не можемъ не обратить вниманіе товарищей на этотъ чрезвычайнно яркій примѣръ вліянія измѣненія экономическихъ отношеній на перестройку формъ политическихъ, ибо отмѣна крѣпостного права была, какъ извѣстно причиной глубокихъ правовыхъ измѣненій всего дореформеннаго порядка въ Россіи.

Изъ льноспрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикъ XVIII столѣтїя уцѣлѣла и пережила XIX столѣтїе, какъ извѣстно намъ достовѣрно, только нынѣ существующая фабрика Т-ва Мануфактуръ Льяняныхъ издѣлій Александръ Щербаковъ съ С-ми.

Еще В. Борисовъ, писавшій о Кохмѣ въ 1856 г., говоритъ, что фабрика эта, какъ торгово-промышленное учрежденіе, существовала слишкомъ 100 лѣтъ. Сначала она содержалась, говоритъ онъ, купцомъ Королевымъ ¹⁾, потомъ Григ. Прок. Медвѣдевымъ, а теперь (1856 г.) перешло къ купцу Щербакову.

Тогда же существовала льняная фабрика Ив. Безенова, на которой, какъ и у Щербакова, вырабатывались льняныя издѣлія: коноваты, пестредки, тики, чешуйки и каламенки въ количествѣ 55.000 кусковъ на 142.000 р. сер. Рабочихъ при послѣднихъ двухъ фабрикахъ было до 170 человекъ, ткачество производилось по деревнямъ.

Ситцевое производство развилось въ с. Кохмѣ подъ несомнѣннымъ влияніемъ села Иванова. Въ концѣ XVIII в., по Т.—Барановскому, главнымъ промысломъ населенія Иванова была набойка бумажныхъ и полотняныхъ матерій. Въ 1812 году сгорѣла Москва, главный конкурентъ Иванова,— и тотчасъ же съ возрастаніемъ приближности ситце-печатанія въ Ивановѣ стали расти фабрики, принадлежавшія крѣпостнымъ или бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева. Извѣстно, что въ 1825 году въ Ивановѣ считалось 125 крупныхъ ситцепечатныхъ фабрикъ (Грачевой, Ямановскаго, Гарелина и др.). На двухъ послѣднихъ фабрикахъ было по 1000 становъ и около сотни набивныхъ становъ на каждой и по полутары тысячи рабочихъ. Въ это время фабриканты наживали „упятеренный рубль на рубль“, т. е. 500% прибыли.

Время это по справедливости надо считать эпохой зарожденія въ Россіи крупнаго капитала.

Набойщики, по словамъ Ивановскаго историка Я. П. Гарелина, безъ труда зарабатывали тогда до 100 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (т. е. до 35 р. с.), и многіе изъ нихъ превратились въ крупныхъ капиталистовъ. Сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ нѣтъ основанія, ибо извѣстно, что и Савва Морозовъ былъ сначала ткачемъ и крѣпостнымъ помѣщикомъ Рюмина. Кроме того, и всѣ другіе изслѣдователи развитія фабричной промышленности с. Иванова и Вознесенскаго посада, какъ-то П. Несытовъ и Влзсьевъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что „большая часть фабрикантовъ села Иванова и вообще Шуйскаго уѣзда возвысилась въ капи-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ И. А. Щербаковымъ, фамиліи Королевъ и Медвѣдевъ тождественны; причѣмъ Королевы было прозвищемъ Медвѣдевыхъ.

талахъ своихъ отъ счастливаго перехода изъ набойщиковъ въ фабриканты-капиталисты“. Это послѣднее свидѣтельство даетъ намъ полное право предположить тотъ же процессъ зарожденія ситцепечатнаго производства и въ селѣ Кохмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ набойщиковъ вышли и всѣ кохомскіе ситцепечатные фабриканты. Сюда можно отнести существовавшихъ до 1861 года ситцепечатниковъ Ключевыхъ, Пошвинныхъ, Калакиныхъ, Соболева, Спиридона Монова, Хаевыхъ, Ив. Гр. Щербакова, Чайнова, Чернышева и Ясюнинскихъ. Основаніе ситцевой фабрики этихъ наследниковъ, бывшихъ крестьянами села Кохмы, принадлежащихъ помѣщику Загоскину, относится къ 30-мъ годамъ XIX столѣтія. Въ то время по имени основательницы фабрики Маремьяны Ясюнинской, жены Никиты Вас. Ясюнинскаго, относили прозвище Маряхиныхъ. Первая фабрика Маряхиныхъ съ ручной набойкой ситца была на мѣстѣ нынѣшняго Министерскаго Нар. Училища, гдѣ находились ранѣе работная, а за ней и красивыи корпусъ. Около 54—55 годовъ того же вѣка ситцевая фабрика Ясюнинскаго была перенесена на ея теперешнее мѣсто по правому берегу Уводи въ починокъ Жданый или Ждановъ, называвшійся также Старыми Любишками. Въ починокъ этомъ проживали ранѣе малоземельные, переселенные сюда, крестьяне графовъ Шереметевыхъ—Кокурины и Морковины. Имъ принадлежала и, б. м., принадлежитъ по праву и вся земля, находящаяся въ настоящее время подъ ситцевой фабрикой, зданіемъ дома Ив. Арс. Ясюнинскаго и садомъ противъ него.

Литературныя свѣдѣнія относительно развитія ситцепечатнаго производства въ Кохмѣ относятся къ 1856 году, когда В. Борисовъ считалъ, что въ Кохмѣ состояло „15 ситцевыхъ фабрикъ съ 129 набойщиками и 215 чел. разныхъ прочихъ фабричныхъ людей, какъ-то: мытильщиковъ, лаборщиковъ, колеристовъ и прочихъ чернорабочихъ людей¹⁾. Ткачество производится раздѣчей по деревнямъ, а частью въ селѣ Кохмѣ, которымъ занимаются женщины, всего миткаля на означенныхъ фабрикахъ вырабатывается 22.000 шт. на 66.000 р. с. Лучшими ситцевыми фабриками были фабрика бр. Ясюнинскихъ съ протинною машиной, потомъ купцовъ Чернышева и Чайнова и крест. Ив. Хаева. Сбытъ товаровъ производился въ Москвѣ и на ярмаркахъ въ Холуѣ, Парскомъ, Шахмѣ, Ростовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Симбирскѣ²⁾).

¹⁾ На всѣхъ сихъ фабрикахъ вырабатывалось 105 тыс. кусковъ разныхъ сортовъ ситцу, на сумму 584.600 р. Кромѣ сего, были три заведенія миткалевня, при которыхъ рабочихъ клеильщиковъ, сновалей и шпульниковъ считалось до 30 ч. Всего бумажнаго товару вырабатывается на сумму 639.600 руб. сер., а рабочихъ было 544 человека.

²⁾ В. Борисовъ. „Село Кохма въ Шуйскомъ уѣздѣ“. (Владим. Губ. Вѣдомости, № 12, 1856 г.).

Въ 56 году ситцевая фабрика Ив. Гр. Щербакова перешла уже къ Чайнову, а затѣмъ въ 57—58 г.г. къ Алекс. Гр. Щербакову. На фабрикѣ этой съ помощью ручной набойки выработывались двукубовые ситцы.

Впослѣдствіи на ней заведена была пиротинная машина и работало 40 найбощиковъ съ платой отъ 50 до 80 коп. въ день. Работа продолжалась отъ 14 часовъ до 16 ч. въ сутки и была односѣнной, какъ всюду на ситцевыхъ. Фабрика эта просуществовала до 1887 года, переживши большой пожаръ 1881 года, послѣ котораго въ Кохмѣ изъ ситцевыхъ остались только фабрики Чернышева, Ключева, Хаева, Щербаковыхъ и Ясюнинскихъ. Кромѣ указанныхъ фабрикъ существовалъ въ Кохмѣ химическій заводикъ Шугаева, приготовлявшій въ 50—60 г.г. XIX ст. краски, потребныя для ручной набойки тканей. Въ тѣхъ же годахъ существовала и фабрика ситцепечатная Родіонова съ раздатей ручной ткани миткала въ дер. Богданихъ. Кромѣ того, существовала въ Кохмѣ сновальная и раздаточная контора бумаготкацкаго производства фабриканта Балдина. Лѣтъ 15 т. н. она состояла въ арендѣ у купца Галкина. Для крашенья шла и желтая кровяная соль (каль), добывавшаяся примитивнымъ способомъ въ Кохмѣ лѣтъ 10 т., н. г. Бобковымъ.

Къ 1880 году число фабрикъ въ Кохмѣ еще болѣе сократилось и вмѣсто 15, указанныхъ Борисовымъ, ихъ осталось всего 3—Щербакова, Чернышева и бр. Ясюнинскихъ. Произошла несомнѣнная концентрація производства, что выразилось побѣдой фабрикантовъ Ясюнинскихъ въ концѣ концовъ надъ всеми ситцепечатниками (кромѣ Чернышева).

Въ 1887 году закрылась фабрика Ив. Безенова и перешла во владѣніе тѣхъ же Ясюнинскихъ. Концентрація капиталовъ шла и шла. Одна изъ фабрикъ Чернышева перешла къ Щербаковымъ, построившимъ въ 1887—1888 г.г. вмѣсто нея новую льнопрядильную фабрику. Такимъ образомъ, въ 1895 году—къ началу сознательнаго рабочаго движенія въ Кохмѣ—можно было насчитать здѣсь слѣдующія фабрики: 1) Т-во М-ры бр. Ясюнинскихъ—3 фабрики и ремонтная мастерская съ 2150 раб. (бумагопрядильную съ 31.744 веретенъ и 880 раб., бумаготкацкую съ 676 станками и 750 раб., ситценабивную съ 382—424 раб. и ремонтная мастерская 95 раб.); 2) Торговаго Дома Александръ Щербаковъ съ С-ми съ 800—900 раб. (льнопрядильная 250 раб. и льноткацкая съ 400—500 рабочими); 3) фабрику Чернышевыхъ съ 50 рабочими. Всего въ 1895 году въ Кохмѣ такимъ образомъ считалось до 3000 рабочихъ.

Самыя послѣднія изъ имѣющихся у меня свѣдѣній относятся къ концу 1906 и началу 1907 года, когда на первую областную конференцію проф. союзовъ рабочихъ по обра-

боткѣ волокнистыхъ веществъ Московскаго пром. района былъ представленъ докладъ и изъ Кохмы.

Докладъ ¹⁾ считаетъ „всѣхъ фабрикъ въ с. Кохмѣ 7. Всего рабочихъ на нихъ 4734 человека“. Къ перечисленнымъ выше фабрикамъ съ 1895 года прибавились взаимно закрытой старой ткацкой въ зданіи Ив. Везенова новая бумаготкацкая Т-ва М-ры бр. Ясюнинскихъ, выстроенная въ 1897 году и бумаготкацкая бр. Долговыхъ, открытая у ст. *Кохма* (съ 118 рабочими) въ 3 верстахъ отъ села Кохмы.

За 50 лѣтъ съ 1856 г. по 1906 г. включительно рѣзко измѣнилась такимъ образомъ картина кохомской промышленности.

Ручное ткачество почти уничтожилось, сохранившись въ небольшихъ размѣрахъ,—а именно въ годъ работается тканей отъ конторы Щербаковыхъ до 10.000 к. на сумму 75.000 р., весьма значительно развито еще шитье мѣшковъ, раздаваемое по деревнямъ отъ конторы Т-ва М-ры Александръ Щербаковъ съ С-ми; главная же масса рабочихъ, постепенно бросая земледѣліе, перешла на фабрики, чѣмъ и объясняется громадное увеличеніе числа фабричныхъ рабочихъ въ Кохмѣ; въ 1856 г. ихъ было 544 чел., въ 1896 г.—3000 чел., въ 1906 г. уже—4743, т. е. произошло увеличеніе почти въ 9 разъ на (871⁰/₀).

Въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ какъ расширеніе самой территоріи села Кохмы (ростъ окраинъ), такъ и созданіе новыхъ, уже не земледѣльческихъ, а чисто фабричныхъ поселковъ, какъ Любимая Горка (Новыя Любишки), Сидѣево, а также приростъ окрестныхъ деревень Олякова, Богданихи и другихъ.

II.

Мы видѣли уже, какъ жестоко обращалось съ рабочими правительствомъ Петра Великаго, когда хотѣло создать въ Россіи крупную промышленность: рабочихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, засѣкали на смерть, ссылали на каторгу (въ *Камчатку*, для того, чтобы другимъ не было поводомъ!). Мало того, рабочіе *навѣчно* были прикрѣплены къ фабрикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Кохомскимъ крестьянамъ много пришлось перетерпѣть еще во времена Тамеса и его наследниковъ по владѣнію Кохмой Новосильцева и Чевкина. Намъ приходилось лично видѣть въ домѣ одного изъ мѣстныхъ фабрикантовъ памятникъ жестокой старины: же-

¹⁾ По другимъ, имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, не менѣе достовернымъ, чѣмъ данныя доклада—въ 1906 году на прядильной Ясюнинскихъ было 193 машины, при 65.228 веретенахъ и работало 1087 челов. Удвоеніе числа веретень не вызвало такимъ образомъ удвоенія числа рабочихъ. На ткацкой было 1232 станка и 1396 человекъ. Число рабочихъ на ремонтной мастерской осталось тоже 95 чел. Итого на фабрикахъ Ясюнинскихъ было въ 1906 г. занято 2578 человекъ, кромѣ ситцевой.

лѣзное кольцо до 10 ф. вѣсомъ съ большими остріями, надѣвавшееся на шею провинившемуся и не позволявшее ему не только лечь, но и прислониться къ стѣнѣ, чтобы отдохнуть хотя немного.

Съ переходомъ отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду въ началѣ XIX столѣтія, въ періодъ зарожденія хлопчатобумажной промышленности „хозяинъ (въ Ивановѣ) былъ“, по словамъ Я. П. Гарелина, „въ извѣстной тягостной зависимости отъ рабочаго. Рабочій тогда *царилъ* на фабрикѣ, отъ него зависѣло, работая *хорошо*, получать большія деньги, доставляя въ то же время и хозяину порядочный барышъ“. Мало того, разозлившись на хозяина, говоритъ Я. П. Гарелинъ, онъ могъ „портить ему товаръ и все-таки не оставаться въ накладѣ въ случаѣ расчета, потому что онъ могъ тотчасъ же явиться къ конкуренту своего прежняго хозяина и доставить тому верхъ надъ послѣднимъ“. Словомъ, это былъ будто бы золотой вѣкъ для рабочихъ, особенно набойщиковъ. „Это время было для набойщика золотымъ, и только лѣнивый, да разгульный не составили себѣ капитала исключительно набивнымъ мастерствомъ“. И тѣмъ не менѣе, по словамъ Я. П. Гарелина, рабочіе и тогда не питали симпатіи къ фабрикантамъ. Непонятное для фабриканта явленіе будетъ вполне понятно для насъ, когда мы вспомнимъ, что хорошая оплата труда еще не исключаетъ возможности полученія фабрикантами громадной нормы прибавочной цѣнности, выжиманія изъ рабочихъ пота и крови. Яркимъ примѣромъ такого явленія можетъ служить современная американская промышленность. Я. П. Гарелинъ, не догадываясь о томъ, что онъ говоритъ, даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ страннаго для него явленія — отсутствія симпатіи рабочихъ къ капиталисту. „Лучшими рабочими на фабрикахъ считаются помѣщичьи крестьяне по ихъ трудолюбію“.

Не будетъ, по моему мнѣнію, большой натяжки, если условія труда въ Ивановѣ до 1861 г. будутъ распространены и на Кохму.

Намъ не извѣстно, однако, достоверно, пользовались ли капиталисты въ Кохмѣ трудомъ приписанныхъ къ ихъ фабрикамъ посессіонныхъ крестьянъ, какъ это было на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Ивановѣ (у Грачевой) и Шуѣ (у Носовыхъ). По разспросамъ мѣстныхъ фабрикантовъ, пользованія трудомъ посессіонныхъ крестьянъ въ Кохмѣ не было. Благодаря даннымъ того же Я. П. Гарелина, сохранились и свѣдѣнія о высотѣ мѣсячной заработной платы въ селѣ Ивановѣ и, что всего важнѣе для насъ, въ *окрестностяхъ* его. Присоединяя сюда имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о заработной платѣ въ Кохмѣ въ 1896 и 1906 г.г., а также пользуясь новѣйшими свѣдѣніями изъ доклада областной конференціи

профессиональных союзов Московскаго промышленнаго района, получимъ небезынтересную таблицу измѣненія заработной платы въ Кохмѣ за 100 лѣтъ (XIX ст.).

Мѣсячная заработная плата въ окрестн. села Иваново и, въ частности, въ с. Кохмѣ за XIX столѣтїе (въ р. с. и коп.) на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ.

	Около 1810 г.	Около 1830 г.	Около 1850 г.	Около 1860 г.	1883 года.	1896 года.	1907 года.
Набойщики (ручное произв.) . . .	12—20	8—15	6—12	5—8	—	—	—
Ситцепечатники . . .	—	—	—	—	12,74	14	14—17
Ткачи ручные . . . 6	—	4,50	3,50—4	max. 3—3,50	6,37	—	—
Ткачи механич. . . .	—	—	12—16	10—13	12—18	до 19	20—23
Прядильщики	—	—	—	14,58	16,25	до 18	24—28
Банкоброшницы . . .	—	—	—	6	8,37	14,07	14—18

Цѣны на продукты.

(1878—1882 г.).

Цѣна 1 пуда ржаной муки	14—19к.	28—33	50—60	60—65	1 р. 11 к.	85	1,10—1,25
Цѣна 1 ф. мяса	—	—	—	3	до 8—10	10	14—20
Цѣна 1 ф. сушеной рыбы	—	—	—	2	7—10	14—15	25

Приведенная таблица показываетъ, какъ ясно видно изъ нея, постепенное повышеніе заработной платы механическихъ рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и указанія на постоянный ростъ цѣны на хлѣбъ и съѣстные припасы.

Относительно льнопрядильной и льноткацкой фабрики Щербаковыхъ имѣются въ моемъ распоряженіи слѣдующія цифры:

Средняя заработная плата на льнопрядильной фабрикѣ Щербаковыхъ въ с. Кохмѣ.

	1896 г.	1906 г.
Ткачи	до 19 р.	до 25 р.
Прядильщики	„ 10 р.	„ 18 р.

По даннымъ Московской конференціи проф. союзовъ, „на фабрикахъ Щербакова плата у мужчинъ высшая рѣдко достигаетъ 23 р., средняя 18 р., низшая 13 р.; женщинъ и подростковъ высшая 15—16 р., средняя 13—14 р. и низшая 11 р.

Ситцепечатная фабрика Чернышева.

	1896 г.	1906 г.
Ситцепечатники до	13 р.	до 14 р. 50 к.

„Въ старину рабочій жилъ недурно“, говоритъ Я. П. Гарелинъ, „такъ, что онъ и дома строилъ и выбивался порой въ хозяева. Была сравнительно высокая заработная плата и недорогія цѣны на жизненные припасы“. Время ухудшенія положенія рабочихъ въ нашемъ районѣ совпало со временемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. „Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много другихъ“. Такими цѣпями явилось прежде всего введеніе машиннаго производства вмѣсто прежняго ручнаго. Въ ту же пору началось въ Россіи созданіе рабочаго класса въ промышленно-капиталистическомъ смыслѣ этого слова.

„Рабочимъ пришлось уже не хозяйствовать“, повѣствуетъ снова Гарелинъ, „а стать въ подчиненіе къ бездушнымъ машинамъ, съ которыми разговоръ вести, конечно, невозможно было и которыя, вдобавокъ, сработывали въ десять разъ больше, чѣмъ могли сдѣлать всѣ рабочіе, находящіеся на фабрикѣ“.

Мало того, послѣ 1883 года, когда всюду, благодаря промышленному кризису, понизилась заработная плата, рабочій началъ голодать.

Оставаясь безпристрастнымъ, фабрикантъ Гарелинъ, изображаетъ положеніе мѣстнаго рабочаго такимъ образомъ: „трудно себѣ представить, какимъ образомъ рабочій, употребляя подобную пищу, можетъ выдерживать ту работу, которая ему представляется. Мясо является на столѣ рабочаго только по большимъ праздникамъ; въ будни и небольшіе праздники онъ ѣстъ, что Богъ послалъ; пустые щи, кашу, горохъ, рѣдьку и т. п. незатѣйливыя блюда простонародной кухни. Рабочіе на фабрикахъ, гдѣ не отпускается приварокъ (а такихъ значительное большинство), приходящіе изъ окрестныхъ деревень на дѣлную недѣлю, запасаются хлѣбомъ, которымъ и продовольствуются отъ воскресенія до воскресенія. Не мудрено, что заболѣванія среди рабочихъ достигаютъ весьма значительной цифры“.

Такъ обстояло дѣло въ селѣ Ивановѣ, такъ, можемъ мы засвидѣтельствовать, было оно частью и въ Кохмѣ, гдѣ приварка не отпускалось и не отпускается на ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ, какъ у Щербаковыхъ, такъ и Ясюнинскихъ. Исключеніе составляли ситцевыя фабрики. У Ясюнинскихъ приварокъ на ситцевой отпускался съ давнихъ поръ, и сталь отпускаться при новой прядильной въ казармахъ со времени постройки ея (1889 г.), когда была устроена въ нихъ артельная кухня. При существованіи ситцевой фабрики у Щербаковыхъ при ней также была артельная кухня, при чемъ на cadaго рабочаго выходило отъ 8 до 11 к. въ день. Обѣдъ состоялъ изъ щей и каши.

О квартирныхъ деньгахъ въ то время не было и помину. Очевидно, происходящая въ настоящее время выдача ихъ

(по 1 рублю въ мѣсяцъ) тоже знаменуетъ переходъ рабочихъ отъ земледѣлія къ фабрикѣ.

Между тѣмъ фабричнаго законодательства еще не существовало, рабочіе были еще малосознательны и не работали себѣ способовъ самозащиты. Рабочіе пробуютъ въ эти тяжелые для нихъ годы снова вернуться къ землѣ, въ деревню, но не надолго. Скоро начинается по всей Россіи стачечное движеніе и, тѣсно связанное съ нимъ, фабричное законодательство.

Первый фабричный законъ, воспрецавшій ночной трудъ малолѣтнихъ, изданъ былъ, собственно говоря, еще 1845 г. въ связи съ волненіями на Воскресенской бумагопрядильнѣ Дмитр. уѣзда Московской губ., но закономъ этимъ *не пользовались*. Онъ былъ забытъ, потому что рабочіе не требовали своихъ правъ.

Послѣ оставшихся безрезультатными многихъ правительственныхъ комиссій по фабричному законодательству: Штакельберга (въ 50 г.г.), Игнатъева и Валуева (въ 70 г.г.), *безрезультатными*, благодаря противодѣйствію московскихъ фабрикантовъ, рабочее законодательство двинулось впередъ съ начала 80 ыхъ годовъ—подъ вліяніемъ развившагося тогда стачечнаго движенія рабочихъ.

Дѣло рабочихъ въ Россіи становится съ тѣхъ поръ дѣломъ самихъ рабочихъ. Въ 1882 году былъ изданъ законъ, ограничивающій продолжительность труда на фабрикахъ. Для малолѣтнихъ до 12 лѣтъ онъ запрещалъ работу совсѣмъ, для дѣтей отъ 12 — 15 лѣтъ ограничивалъ работу восемью часами въ сутки, запрещая работу малолѣтнихъ въ воскресенье и праздничные дни. На практикѣ законъ этотъ повелъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ. Ссылаясь на слезы матерей и на крайнюю нужду семьи, фабриканты (въ Кохмѣ) охотно принимали малолѣтнихъ на фабрики, фиктивно повышая число лѣтъ принимаемымъ. Достаточно было только указанія матери, что мальчику уже исполнилось 12 лѣтъ, чтобы онъ былъ принятъ на фабрику. Намъ памятенъ случай въ этомъ родѣ, когда во время посѣщенія мѣстныхъ фабрикъ фабричнымъ инспекторомъ малолѣтнихъ всячески укрывали съ его глазъ.

Самый институтъ фабричныхъ инспекторовъ встрѣтилъ въ Кохмѣ со стороны старозавѣтныхъ фабрикантовъ самое непріязненное отношеніе. Фабричный инспекторъ считался личнымъ врагомъ фабрикантовъ (по крайней мѣрѣ, на фабрикахъ Щербаковыхъ), а вмѣшательство правительства въ фабричные распоряжки признавалось нарушеніемъ права собственности.

Закономъ 1885 года была воспрецаена ночная работа женщинъ и несовершеннолѣтнихъ въ текстильной промышленности. Но настоящая революція въ фабричныхъ отноше-

ніяхъ была произведена благодаря геройской борьбѣ Морозовскихъ рабочихъ въ 1885 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ, благодаря которой былъ изданъ законъ 1886 года, подчинившій контролю всю совокупность внутренняго распорядка ¹⁾.

Къ тому же законъ 1886 года увеличилъ объемъ власти фабричныхъ инспекторовъ.

Какъ и въ Орѣховѣ-Зуевѣ, въ Кохмѣ широко практиковалась до 1886 г. система расплаты „ярлыками“ для забора въ фабричной харчевой лавкѣ (существовала при фабрикѣ Щербаковыхъ съ 1886 г. до 1889 г.). Извѣстно, что цѣны въ такихъ лавочкахъ нерѣдко отличались отъ рыночныхъ на 20% и даже порою *80 процентовъ*. (Пажитковъ. „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“).

По даннымъ, доставленнымъ мнѣ мѣстными жителями, цѣны въ лавочкѣ Щербаковыхъ не были, однако, выше базарныхъ. Съ запрещеніемъ расплаты „ярлыками“ фабричная лавочка эта была закрыта. Взамѣнъ ея при фабрикахъ Т-ва М-ръ В., А. и Е. Ясюнинскихъ были открыты въ 1892 году магазинъ общества потребителей, куда перешли многіе покупатели изъ прежней лавочки уже въ качествѣ пайщиковъ.

Штрафы до 1886 г. шли въ пользу хозяевъ и достигали громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству фабричныхъ инспекторовъ во Владим. губ. штрафы производились, напр., за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за сборище въ одну кучу и т. п. или еще проще штрафовались „*по усмотренію хозяина*“ всѣ замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ“.

Извѣстно, что у Саввы Морозова штрафы достигали до 300 тысячъ въ годъ или 40% всей заработной платы, выдаваемой рабочимъ. Въ Шуѣ рабочіе штрафовались (въ 1880—1871 г.) за челнокъ, напр., вылетѣвшій изъ станка, за зубецъ, сломанный на шестернѣ и т. п. На одной фабрикѣ за отправленіемъ своихъ нуждъ рабочіе были обязаны фабрикантомъ выходить въ устроенныя для этого внѣ фабрики помѣщенія безъ верхней одежды—въ видахъ сохраненія рабочаго времени.

Огромные штрафы существовали до 1886 г. и въ Кохмѣ, достигая до 30% какъ у Ясюнинскихъ, такъ и у Щербаковыхъ. Съ тѣхъ поръ борьба рабочихъ противъ штрафовъ и зачисленіе ихъ въ штрафной капиталъ заставило фабрикантовъ мало-по-малу сократить примѣненіе штрафовъ, и въ настоящее время штрафы на фабрикахъ Ясюнинскихъ, хотя и примѣняются, по ихъ свѣдѣніямъ за 1906 г., но мало. На фабрикахъ Щербаковыхъ и Чернышева штрафовать продол-

¹⁾ Припомнимъ, что морозовскіе ткачи боролись при существованіи закона 1874 года, карающаго рабочихъ за стачки ссылкой въ Сибирь (изданъ послѣ волненій въ Кренгольмской М-рѣ въ 1872 г.).

жають. По даннымъ съ 1886 г. до 1907 г. размѣръ штрафного капитала у Щербаковыхъ достигъ 7000 рублей. „Штрафовъ (у Ясюнинскихъ) почти нѣтъ“, говорится и въ докладѣ первой конференціи професс. союзовъ въ Москвѣ 1907 г.

Измѣнилась довольно сильно и обстановка фабрикъ, представлявшая до 1886 г. „верхъ нарушенія всякихъ гигиеническихъ правилъ“. Чрезвычайно негигиеничны и въ настоящее время ткацкая и прядильная фабрики Щербаковыхъ и ситцевая Ясюнинскихъ. Докладъ конференціи 1907 г. въ Москвѣ представляетъ настоящій обвинительный актъ противъ послѣдней. Можно себѣ представить, что же было на этихъ фабрикахъ до 1886 года, когда фабриканты мало обращали вниманія и на вентиляцію и на чистоту помѣщеній, не говоря уже объ огражденіи машинъ. Вообще вентиляція есть прибрѣтеніе послѣднихъ временъ на кохонскихъ фабрикахъ, — прибрѣтеніе зачастую обязанное требованіямъ самихъ рабочихъ. Огражденіе же машинъ, и въ настоящее время дающее цифру 14—16% поврежденій на общее число рабочихъ, было совсѣмъ плохо, и цифра поврежденій была гораздо выше.

Если рабочимъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ „приходится (и приходилось) считаться только съ пылью въ воздухѣ, жарой или недостаткомъ свѣта, въ ситцевыхъ же то жара въ 30—40°, то сырость и холодъ. А воздухъ буквально зараженъ всевозможными *химическими* ядами и красками ¹⁾“. Здѣсь часты „случаи отравленія газами, ревматическія боли, простуды“, неизбежны болѣзни глазъ.

Измѣнился послѣ 1886 г. и порядокъ работы на фабрикахъ. У Ясюнинскихъ и Щербаковыхъ существовалъ ранѣе рабочій день круглыми сутки въ 2 смѣны по 8 часовъ каждая и въ 3 суточныхъ промежутка, такъ что работа одной смѣны въ сутки была 16 часовъ, а другой 8 часовъ. По воскресеньямъ рабочій день кончался въ 1 ч. утра и начинался въ 8 вечера, составляя такимъ образомъ 15² часа въ недѣлю. Такая работа просуществовала у Щербаковыхъ вплоть до 1886 г., т. е. до отмѣны ночного труда женщинъ и была замѣнена двухсмѣнной работой по 9 часовъ въ смѣну и 108 часовъ въ недѣлю.

У Ясюнинскихъ же на ситцевой работали по 14 часовъ вплоть до введенія закона 2-го іюня 1897 году, т. е. до 1 января 1898 г., когда было введено 11¹/₂ час. день. На прядильной же съ 1886 года работа шла по 2 шестичасовыхъ смѣ-

¹⁾ То же самое относится не только къ воздуху на ситцевой фабрикѣ въ Кохмѣ, но и къ водѣ р. Уводи, настолько насыщенной красками, что во время тумановъ и послѣ дождей отъ запаха съ рѣки у жителей Кохмы кружится голова и становится нечѣмъ дышать. Всѣ вопли и жалобы мѣстныхъ жителей остаются тщетными. При настоящемъ социальномъ строѣ, при взглядѣ на фабричную промышленность, какъ на частное дѣло, отравленіе жителей, очевидно, можетъ происходить безнаказанно.

ны и въ 3 суточныхъ промежутки, такъ что работа одной смѣны въ сутки составляла 12 часовъ, а другой 6 часовъ— и тѣ же 108 часовъ въ недѣлю. Работа эта была уничтожена лишь въ 1898 г., когда по требованію рабочихъ, но безъ забастовки была введена также 2 смѣнная 9 часовая работа.

Подъ влияніемъ оживленія промышленности во второй половинѣ 80 г.г. московскіе фабриканты, которымъ невыгодно было теперь сокращеніе рабочаго дня, добились частичной отмѣны фабричнаго законодательства.

По закону 1890 года администраціи вновь было предоставлено право допускать ночную работу малолѣтнихъ, ночную работу въ текстильной промышленности и т. п. Въ 1893 г. былъ изданъ законъ, еще болѣе увеличивающій значеніе административной власти.

Къ счастью, рабочіе къ этому времени начали въ Россіи борьбу за лучшее будущее. Въ одномъ за другимъ фабричномъ центрѣ начиналось тогда сознательное рабочее движеніе.

III.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій для улучшенія положенія рабочаго класса служить въ Россіи во многихъ мѣстахъ непрекратившаяся еще связь рабочаго съ землей. „Мы страдаемъ“, сказалъ уже давно К. Марксъ, „не только отъ развитія капиталическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія“.

И дѣйствительно, и опытъ, и теорія говорятъ намъ, что „единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается въ дальнѣйшемъ развитіи капиталическаго производства“¹⁾.

Смутно въ сознаніи рабочихъ нашего района проявлялось это убѣжденіе уже довольно давно, выражаясь часто въ формѣ трогательной жалобы. Такъ, одинъ фабричный поэтъ красоварь съ ивановскихъ фабрикъ, Ив. Фроловъ пишетъ²⁾ во второй половинѣ 90-хъ годовъ:

„У насъ пахутъ очень мало,—
Невозможно и пахать,
И на фабрикахъ-то стало
Очень тяжело проживать“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже народникамъ³⁾ приходилось признавать, что „обладаніе нѣкоторой собственностью, какъ

¹⁾ М. И. Т.—Барановскій. „Русская фабрика“, стр. 439, т. I.

²⁾ В. Дадоновъ. „Русскій Манчестеръ“ (Письма изъ Иваново-Вознесенска). Р. Б. 1901 г.

³⁾ В. Дадоновъ. „Русскій Манчестеръ“ (Письма изъ Иваново-Вознесенска). Р. Б. 1901 г.

это ни странно, не только не создаетъ въ данномъ случаѣ большей независимости, а, наоборотъ, какъ будто увеличиваетъ экономическое рабство и принижаетъ личность рабочаго“. Въ самомъ дѣлѣ, пролетарій, какимъ въ концѣ концовъ становится фабричный рабочій, и крестьянинъ-общинникъ или собственникъ представляютъ два различныхъ культурно-общественныхъ типа. Первый смотритъ въ грядущее, послѣдній стремится устроиться и въ крупно-капиталистическомъ обществѣ.

Черты необходимости, толкающей мѣстнаго крестьянина на фабрику или въ артель „котовъ“, характерно сказались и въ стихотвореніи уже цитированнаго мною фабричнаго поэта Ив. Фролова:

«Съ Покрова»¹⁾.

Время—тяжкій періодъ
Для фабричныхъ настаегъ.
Жметъ фабричнаго контора,
Какъ въ тюремномъ замкѣ вора;
Цѣнь сбавляютъ, пишутъ штрафъ,
На защиту вѣту правъ.
И не охни, не вздохни,
Спорить, — Боже сохрани!
Кто не хочетъ подчиниться,
Надо съ фабрикой проститься,
Поступить въ артель „котовъ“, —
Грязь мѣсить у кабаковъ..
А вѣдь люди и купцы, —
Есть и дѣти и отцы,
А на сердцѣ у нихъ ночь —
Чуть прогнѣвалъ — поди прочь!“

Между тѣмъ жить въ деревнѣ при маломъ надѣлѣ совсѣмъ трудно:

„Я долго сидѣлъ и дивился“, говоритъ въ другомъ стихотвореніи тотъ же Ив. Фроловъ,

„Какъ бѣдный крестьянинъ живетъ!
Все лѣто онъ съ пашней хлопочетъ,
А хлѣбъ покупать не минетъ.
Не только я хлѣбъ покупаю, —
Нехватка мнѣ корму и дровъ, —
Но я ужъ привыкъ къ этой жизни,
Должно быть удѣлъ нашъ таковъ“...

Не захотѣли привыкать къ этой жизни другіе, молодые и смѣлые, которые дерзали спорить съ хозяиномъ, предпочи-

¹⁾ В. Дадонъ. „Русскій Манчестеръ“. Р. В. 1901 г.

тая голодать и проститься съ фабрикой, чѣмъ переносить голодъ въ деревнѣ, униженія и притѣсненія на фабрикахъ.

Такъ, естественно на мѣстѣ зародилось рабочее движеніе въ Кохмѣ, какъ и повсюду въ Россіи, чтобы ни говорилось въ знаменитомъ циркулярѣ тогда еще просто С. Ю. Витте отъ 1905 г., видѣвшемъ всю причину фабричныхъ безпорядковъ въ Россіи въ переходящихъ съ фабрики на фабрику бродячихъ рабочихъ, нарушающихъ тишь и гладь „патріархальныхъ“ отношеній русскаго капиталиста къ своимъ фабричнымъ.

Дѣйствительность быстро обнаружила всюду правду социальныхъ отношеній и ярко показала рабочимъ, на чьей сторонѣ стоитъ на самомъ дѣлѣ, желающая казаться безпристрастною, власть.

Кровавый финалъ извѣстныхъ событій въ 1895 г. и отношеніе къ этому событію правительства на Корзинской М-рѣ въ Ярославлѣ громкимъ эхомъ прокатились по всей Россіи и жгли негодованіемъ сердца рабочей молодежи. Несомнѣнно отразилась на сознаніи Кохомскихъ рабочихъ и отчаянная борьба иваново-вознесенскихъ ткачей противъ пониженія расцѣнокъ съ 1 октября 1895 г.

Забастовавшіе ткачи подверглись въ то время совершенно безпричиннымъ и жестокимъ избіеніямъ казаками и проиграли стачку, вынеся изъ нея сознаніе необходимости новой, еще болѣе дружной борьбы. Въ видѣ уступки рабочіе добились только увеличенія хода машины на 10%, увеличенія, служившаго въ концѣ концовъ вовсе не къ выгодѣ рабочихъ.

Начало сознательнаго рабочаго движенія въ с. Кохмѣ относится именно ко времени, послѣдовавшему за этими стачками. Намъ неизвѣстно, были ли здѣсь попытки рабочаго движенія и ранѣе этого времени, но если онѣ и были, то остались, по всей вѣроятности, весьма непрочно связанными съ сознаніемъ мѣстнаго рабочаго населенія (какъ, напр., агитація Лидіи Фигнеръ въ иваново-вознесенскомъ районѣ въ началѣ 1880 годовъ или, б. м., послѣдующихъ, неизвѣстныхъ намъ, революціонныхъ дѣятелей).

Остается фактомъ, что социалистическое рабочее движеніе началось въ Кохмѣ въ 1896 года. Изслѣдуя „корни и нити“ этого движенія, мы можемъ констатировать, что кохомское сознательное рабочее движеніе сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ трехъ факторовъ: рабочаго движенія въ Орѣховѣ-Зуевѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и дружескаго кружка рабочихъ изъ дер. Пѣшкова, Кохомской волости, въ полуверстѣ отъ Кохмы.

Вліяніе Орѣхова-Зуева связано съ именемъ тамошняго рабочаго Бучитова, прибывшаго въ Кохму въ 1896 году и привезшаго съ собой нѣкоторыя социаль-демократическія книжки, какъ-то: *П. Аксельродъ*. „Задачи рабочей интеллиген-

ціи“ и рукопись *неизвестнаго автора*: „Какъ возникъ майскій праздникъ“.

Само собой разумѣется, что вліяніе Бучитова („переходящаго“ рабочаго, по терминологіи Витте) оказалось бы безслѣднымъ, если бы не совершились въ самой средѣ кохомскихъ рабочихъ тѣ экономическія измѣненія, о которыхъ мы говорили выше, подготовившія эту среду къ воспріятію социалистическихъ идей.

Въ томъ же 1896 году Бучитовъ былъ сданъ въ солдаты, и его кратковременное вліяніе на развитіе с.-д. рабочаго движенія въ с. Кохмѣ прекратилось. Тѣмъ не менѣе начало сношеній съ рабочими и проповѣди социалистическихъ идей было положено. Знакомства и разговоры Бучитова, главнымъ образомъ, съ нѣкоторыми рабочими съ фабрики бр. Ясюнинскихъ, а среди нихъ съ двумя крестьянами изъ дер. Пѣшкова Ф. Н. Алапыкинѣмъ и П. А. Кашниковѣмъ, подготовили почву для дальнѣйшаго развитія движенія. Руководство имъ перешло теперь къ кружку „пѣшковцевъ“, подъ какимъ именемъ упомянутые вожаки рабочаго движенія въ Кохмѣ долго служили пугаломъ для мѣстныхъ капиталистовъ.

На кружкѣ этомъ, въ виду его важной послѣдующей роли въ кохомскомъ рабочемъ движеніи, необходимо остановиться подробнѣе.

Федоръ Николаевичъ Алапыкинъ и Петръ Андреевичъ Кашниковъ родились въ дер. Пѣшково, Кохомской волости, оба въ 1877 году.

Будучи сверстниками, они росли и развивались вмѣстѣ, вмѣстѣ и работали и сидѣли въ тюрьмѣ, пока ссылка, а затѣмъ и смерть не разлучила ихъ навѣки. Когда настало время учиться, ихъ отдали подѣ начало къ единовѣрческой начетчицѣ Матренѣ, старой дѣвицѣ, живущей въ упраздненномъ монастырѣкѣ, о существованіи котораго въ прежнія времена упоминаетъ еще суздальскій историкъ Ананій Федоровъ (въ 1757 году¹⁾). Тамъ они выучились читать по старинной методѣ (буки-азъ—ба), писать и считать и тѣмъ закончили свое школьное образованіе.

Связанный узами тѣсной дружбы съ Ф. Н. Алапыкинѣмъ, Кашниковъ и умственно развивался совмѣстно со своимъ сверстникомъ. Едва ли не съ 12 лѣтъ они стали работать на фабрикѣ Ясюнинскихъ. Фабричная бібліотека на фабрикахъ Ясюнинскихъ дала первый толчокъ ихъ любви къ чтенію. И первыя книги, которыя дали работу уму молодыхъ рабочихъ, были, какъ это можно было ожидать, книгами по естествознанію, въ частности, по первоначальной астрономіи.

¹⁾ ...„Близъ оаго села имѣлся прежде монастырь дѣвицъ, но нынѣ въ томъ монастырѣ нѣкого монахини не имѣется, но токмо живутъ вдовицы и убогія, которыя отъ груда рукъ своихъ пишу себѣ приобрѣтаютъ“...

Мечтательно настроенный, съ нѣжнымъ складомъ души, доверчивый П. А. Кашниковъ часто подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ долго просиживалъ вечеромъ на заваленкѣ у родной избы, вмѣстѣ съ Федоромъ Алалыкинымъ, пристально взглядываясь въ звѣздное небо.

Ясно представляя себѣ маленькую землю и величіе звѣзднаго міра, друзья невольно приходили къ лживости общепринятыхъ мировоззрѣній и отношеній. Ясное, далекое и холодное небо учили горячности будущихъ защитниковъ рабочаго класса.

Минутнаго пробужденія сознанія было достаточно для пытливаго и осидлательнаго ума юношей, чтобы подвергнуть затѣмъ критикѣ не только ходячіе естественно-научные и религиозные взгляды своихъ собратьевъ рабочихъ и всей окружающей среды, но и весь строй общественный,—являвшій передъ глазами молодыхъ энтузиастовъ все зло развивающагося капитализма.

Новыя воззрѣнія, съ болью выношенныя въ умахъ и сердцахъ ихъ, сдѣлались такъ дороги юношамъ, что они, найдя въ фабричной бібліотекѣ книгу, которая пыталась согласовать библейскія сказанія о мірѣ и Богѣ съ естественно-научными данными и тѣмъ ослабить противорѣчія догмы съ истиной и успокоить религиозныя сомнѣнія, хотѣли уничтожить эту книгу, какъ вредную. Мало-по-малу въ нихъ выработалось не менѣе страстное отношеніе и къ общественнымъ несправедливостямъ.

„Въ то время“, говоритъ въ своихъ, переданныхъ мнѣ, воспоминаніяхъ одинъ изъ основателей Кохомскаго Рабочаго Союза, Д. Талантовъ, „было усиленное гоненіе на все мыслящее и благородное; масса тогда была такъ тупа, запугана и забита, что безъ протестовъ покорялась насилію и произволу администраціи, какъ полицейской, такъ и фабричной“. Мнѣ лично памятенъ случай, относящійся уже къ 1897 году, когда урядникъ, проходившій по деревнѣ и видѣвшій юношу-рабочаго съ книжкой хотя бы совершенно легальной (напр., біографіи въ изд. Ф. Павленкова) въ рукахъ, безнаказанно вырывалъ эту книжку и конфисковалъ ее. Рабочимъ вообще въ то время не полагалось читать, имѣть *книгу*. Читали поэтому въ лѣсу, въ полѣ, укрывались въ болотѣ, книгу, особенно нелегальную, брали съ собой для чтенія и въ баню во время мытья. Немудрено, что при такихъ условіяхъ слово Бучитова нашло благодарную почву въ умахъ и въ сердцахъ пѣшковцевъ, какъ упомянутыхъ, такъ и сверстниковъ ихъ, именъ которыхъ не считаю пока удобнымъ называть.

При трепетномъ свѣтѣ свѣчи поздней лѣтней ночью юноши собирались въ лѣсу и читали, сомкнувшись тѣснымъ кружкомъ. Зимой пользовались иногда для собраній оставленною дачей мѣстныхъ фабрикантовъ. Старики отцы сопер-

ничали съ урядникомъ въ искорененіи у своихъ дѣтей любви къ чтенію: ихъ укоризненно и презрительно называли „студентами“, смѣялись надъ ними, говоря: „Нечего тебѣ время зря проводить, не начетчикомъ быть, да и не къ рождѣ тебѣ читать-то!“

Не менѣе сурово преслѣдовалось чтеніе и на фабрикѣ, гдѣ рабочіе стали иногда попадаться фабриканту и администраціи съ книгой въ рукахъ. Ихъ замѣчали, а затѣмъ при случаѣ увольняли. Бороться за свои права становилось иногда невтерпѣжь,—но тѣмъ упорнѣе вырабатывался въ рабочихъ духъ сопротивленія.

Въ 1896 году въ іюнѣ разразилась знаменитая стачка рабочихъ волокнистыхъ веществъ въ Спб., грозная стачка, возбудившая громадныя надежды во всѣхъ, кому дорого было освобожденіе рабочаго класса. Стачка окончилась побѣдой рабочихъ. Слухи о ней широко распространились по Россіи. Правительство впервые въ официальномъ сообщеніи упомянуло имя „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, какъ „преступной“ организаци, рѣзко проявившей себя въ эту стачку.

Подъ вліяніемъ борьбы петербургскихъ рабочихъ стала крѣпнуть и мѣстная иваново-вознесенская рабочая организаци, сложившаяся уже въ ту пору въ нелегальный Иваново-Вознесенскій Рабочій Союзъ. Среди членовъ этого Союза находилось двое рабочихъ изъ окрестностей Иванова и Кохмы: Діомидъ Яковлевичъ Талантовъ и Романъ Матвѣевичъ Семенчиковъ. Въ концѣ 1896 года съ фабрики Новикова въ Иваново-Вознесенскѣ Талантову пришлось уйти въ Кохму и поступить на ситцевую фабрику Ясюнинскихъ—ученикомъ въ раклісты. Туда же помощникомъ красильнаго мастера поступилъ въ ту пору и Семенчиковъ. Оба они, будучи школьными товарищами и сосѣдями по деревнямъ, а также товарищами по рабочему кружку Ѳ. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова въ Иваново-Вознесенскѣ, поселились въ Кохмѣ вмѣстѣ въ фабричныхъ казармахъ и начали искать себѣ единомышленниковъ. Бучитова въ то время въ Кохмѣ уже не было, но скоро, услышавши, что „пѣшквцы“ отрицаютъ существованіе черта, они познакомились съ ними и стали посѣщать Алалыкина и Кашникова (въ началѣ 1897 г.).

Послѣднее теченіе влилось такимъ образомъ въ идейную работу кохомцевъ рабочихъ и скоро привело ихъ къ созданію Кохомскаго Рабочаго Союза.

IV.

Появленіе рабочихъ Д. Я. Талантова и Р. М. Семенчикова въ Кохмѣ внесло совершенно опредѣленную социаль-демократическую струю въ мѣстный рабочій кружокъ, ру-

ководимый пѣшковцами. Хотя Иваново-Вознесенскій Рабочій Союзъ и не принадлежалъ въ то время къ строго соц.-демократическому „Союзу борьбы за Освобожденіе Рабочаго класса“, но былъ вполне марксистскимъ и социалистическимъ, находясь къ тому въ непосредственныхъ, хотя и нерегулярныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ Борьбы“. Всѣ изданія, бывшія въ ходу въ „Союзѣ Борьбы“ въ Петербургѣ, обращались и въ Ивановѣ. „Царь-Голодъ“, „Ткачи“ Гауптмана, „Законъ о штрафахъ“, „О рабочемъ днѣ“ и „Десятилѣтіе Морозовской стачки“ ходили по рукамъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Въ числѣ новинокъ Семенчиковъ и Талантовъ привезли съ собой въ Кохму брошюры: *Свидерскій*. „Трудъ и Капиталъ“ и „Биографія Ф. Лассалля“ въ изданіи Ф. Павленкова.

Впечатлительный, но мягкій Д. Талантовъ былъ полной противоположностью энергичнаго и страстнаго Р. Семенчикова. Тѣмъ не менѣе оба товарища сошлись въ своей искренней любви къ борьбѣ за освобожденіе рабочихъ и начали усердно работать.

Нѣсколько чертъ изъ далеко еще не законченной биографіи того и другого изъ нихъ будутъ не лишніи для дѣла:

По автобиографическимъ свѣдѣніямъ, даннымъ мнѣ Д. Талантовымъ, онъ родился 14 августа 1878 года въ селѣ Стромихинѣ въ 7 верстахъ отъ Кохмы. „Дѣтство и юность моя протекли по кабакамъ; въ кабакѣ и родился я“, съ горечью пишетъ о себѣ Д. Талантовъ. „Отецъ мой въ это время занималъ должность приказчика или „сидѣльца“, какъ называли тогда, въ кабакѣ. Отецъ былъ человѣкомъ очень неглупымъ и краснорѣчивымъ, но отличался крайней религіозностью и держался устарѣлыхъ понятій. Пилъ онъ периодически много того зелья, которымъ торговалъ, и во время запоя бывалъ буенъ настолько, что часто благодаря этому намъ съ матерью приходилось скрываться у сосѣдей. Мать—слабохарактерная, суевѣрная, какъ и всѣ женщины извѣстнаго круга, плохо умѣла читать, а писать совершенно не могла. Когда мы жили въ с. Калачевѣ, я поступилъ въ школу, гдѣ учителемъ былъ свящ. Добротворскій. Онъ относился къ своимъ обязанностямъ вполне добросовѣстно; но вскорѣ его перевели въ другой приходъ, а на его мѣсто прислали свящ. Крылова, ужаснаго пьяницу. Ученье было, ради вина, окончательно заброшено, и школа опустѣла. Тутъ я остался не у дѣлъ и все время сталъ проводить на рѣкѣ съ удочкой, занимался рыбной ловлей. Сидѣлъ на берегу и мечталъ. Чего, чего только я не передумалъ за это время! Воспитанный въ строгой религіозности дома и въ школѣ, я читалъ книги преимущественно духовнаго содержанія и до того былъ впечатлителенъ, что, читая Четьи-Менеи, не могъ удержаться отъ слезъ при описаніи жизни святыхъ. Характера я былъ робкаго, совѣстливаго, а пьяныя оргіи въ кабакѣ возмущали

меня", продолжаетъ Д. Талантовъ. Въ результатѣ отцу не удалось пручить его къ торговлѣ. Это обстоятельство спасло мальчика отъ огрубѣнія, а кабацкія сцены подготовили его негодование на всю грязь и нищету рабочей жизни.

По переходѣ отца Талантова въ деревню Васильево (его родину) также сидѣльцемъ, Демидъ былъ отданъ въ школу, находящуюся въ селѣ Елконинѣ. Здѣсь онъ годъ провелъ вмѣстѣ съ Романомъ Семенчиковымъ, но „общихъ интересовъ съ нимъ, исключая учебныхъ“ не имѣлъ.

„Черезъ два года отецъ былъ уволенъ, мы переехали въ свой домъ и, такъ какъ средствъ къ жизни не было никакихъ, меня опредѣлили на ситцепечатную фабрику Новикова въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ то время мнѣ было 15 лѣтъ (1892—1893 г.г.). Мнѣ дали мѣсто въ сушильнѣ при печатныхъ машинахъ. Отсутствие какой-либо вентиляціи, ужасная жара, доходящая до 50° Reumur'a, невыносимая духота отъ испареній такъ губительно подѣйствовали на мой непривычный къ такой атмосферѣ организмъ, что кровь бросилась мнѣ въ голову и брызнула изъ носу прямо на товаръ. Несмотря на это, на меня наложили штрафъ. Я былъ въ отчаяніи и задумалъ бѣжать куда-нибудь, но только не на фабрику и не домой. Къ счастью, меня перевели въ химическую лабораторію,—и я почувствовалъ себя лучше. Прослуживъ 1½ года въ химической, я былъ переведенъ на заварку въ лабораторію, а вскорѣ въ красильную мастеромъ. Живя въ красильной, я познакомился съ Ефимомъ Соловьевымъ, служившимъ въ то время смазыватьщикомъ. Приходя въ красильную смазывать и замѣтивъ, что я часто читаю книжки, онъ предложилъ мнѣ книгъ болѣе содержательныхъ, чѣмъ бывали у меня“. Громадное вліяніе, по устному признанію Талантова, имѣла на него книга Эркмана-Шатриана „Гаспаръ Фиксъ“.

„Мы сблизились съ Соловьевымъ“, говорилъ далѣе Талантовъ, „и стали друзьями: онъ первый толкнулъ меня на путь къ самообразованію, ему первому я обязанъ знакомствомъ съ самоотверженными стремленіями людей, добивающихся переустройства обветшалыхъ устоевъ нашего государства, также тому, какъ эти люди борются за свои убѣжденія. Благодаря его книжкамъ, а всего болѣе его убѣжденнымъ словамъ, я проникся его взглядами и высказалъ желаніе принять участіе въ общей борьбѣ.“

Вскорѣ Соловьевъ познакомилъ меня съ двумя товарищами Маховымъ и Шаровымъ. Задавая мнѣ различные вопросы, они устроили мнѣ нѣчто въ родѣ экзамена и, найдя меня всецѣло, безъ всякой задней мысли, заинтересованнымъ въ поставленныхъ мнѣ вопросахъ, послѣ нѣкотораго совѣщанія, ввели меня въ рабочій „кружокъ“ или организацію. Съ первоначальнымъ развитіемъ организаціи такого рода

система предосторожности примѣнялась къ каждому вновь вступающему члену. Открытая агитація была тогда совершенно немислима: 1) потому, что организація только основалась и надо было принимать величайшія предосторожности, чтобы не провалить столь важное дѣло и дать возможность вырасти и окрѣпнуть новорожденному дѣтищу рабочей мысли. Во 2-хъ, рабочая масса была такъ задушена и темна, не могла отличить плохого отъ хорошаго, друга отъ врага, благодаря въ особенности стараніямъ правительства и, единственной доходившей до народа, лубочной литературѣ, затуманивавшей всякую рождающуюся въ народной средѣ живую мысль. Народъ боялся всякаго нововведенія, если оно не исходило отъ правительства, твердо вѣрилъ, что тяжелая жизнь ему послана отъ самого Бога. Людей со свѣтлыми убѣжденіями, пытавшихся измѣнить его міровоззрѣніе, — онъ или избивалъ, предавая въ руки полиціи, или сторовился, считая за грѣхъ слушать. Но избранные люди того времени, преимущественно молодежь, твердо вѣрили въ свои убѣжденія, въ свои завѣтные идеи и, не взирая ни на какія преграды, часто жертвуя жизнью и свободой, стремились осуществить свои мечты“.

Чтобы охарактеризовать способы веденія революціонной борьбы, вѣрнѣе, подготовки къ ней, приведемъ и свѣдѣнія, даваемые Талантовымъ о первыхъ временахъ Иваново-Вознесенскаго Союза.

„Борьбу приходилось вести совершенно замкнуто. Для собраній снималась квартира, куда сходились по позднимъ вечерамъ, соблюдая всяческія мѣры предосторожности. На собраніяхъ основателемъ ихъ *Θ. А. Кондратьевымъ* читались лекціи, въ которыхъ онъ знакомилъ насъ съ существующимъ общественнымъ строемъ и будущимъ социальнымъ. Дѣлу просвѣщенія массъ онъ призывалъ насъ посвящать всё наши способности и энергію, не взирая ни на какія препятствія. Вторымъ организаторомъ былъ *А. А. Евдокимовъ*, обладавшій ораторскимъ талантомъ и богатыми знаніями по социальнымъ вопросамъ и устно знакомившій собраніе съ вопросами социализма. Членами организаціи въ первое время состояли *Грачевъ, Макаровъ, Маховъ, Шаровъ, Кудряшовъ, Орѣховъ* и другіе“.

Любопытный примѣръ, характеризующій степень убѣжденности членовъ этого кружка, а также и самого Талантова, приводитъ этотъ послѣдній въ переданныхъ мнѣ отрывкахъ воспоминаній. Для насъ онъ любопытенъ потому, что ясно намѣчаетъ весь ходъ мысли первыхъ пропагандистовъ и агитаторовъ Иваново-Вознесенскаго Союза, перешедшихъ потомъ въ Кохму.

Талантовъ рассказываетъ: „Когда въ одно изъ собраній передъ Новымъ Годомъ рѣшили устроить совмѣстную встрѣчу его, то нѣкоторые изъ членовъ союза изъявили же-

ланіе провѣрить, всё ли знаютъ, что такое социализмъ и въ чемъ состоитъ наша задача. Рѣшили, что каждый членъ союза приготовится сказать подъ Новый Годъ (1896-й) нѣсколько словъ устно или письменно, прозой или стихами,—кто какъ можетъ. И вотъ мнѣ вспоминается стихотвореніе Махова, по профессіи ткача, не получившаго никакого образованія,—стихотвореніе ярко выражающее наши стремленія:

„Вотъ и мы, друзья, встрѣчаемъ
Вмѣстѣ ночь на Новый Годъ,
И, конечно, всё мечтаемъ,
Чтобы дѣло шло впередъ!
Мы, какъ члены славной партіи,—
Соціальной демократіи,
Мы прогрессъ желаемъ ей,
Мы—гроза кушцовъ...
Мы враги такого строя,

.....
А рабочихъ, все создавшихъ,
Страшнымъ голодомъ морятъ!
Гдѣ людей богатыхъ кучка
Съ страшной наглостью своей
Царствуетъ, а миллионы
Рабоѣтствуетъ предъ ней!
Нашей партіи задача—
Неспровергнуть этотъ строй..
А на мѣсто стона, плача
Создадимъ мы строй иной!
Строй такой, гдѣ люди будутъ
Все всеобщее имѣть,
И землей и капиталомъ
Всѣ сообща будутъ владѣть!
Будутъ всѣ равно трудиться,
А продукты отъ труда
Будутъ поровну дѣлиться
Межъ рабочими тогда!

Свобода, братство и равенство—вотъ нашъ, товарищи, девизъ!

Трудиться долженъ для всѣхъ каждый,—и всѣ для каждаго трудись!“

Такимъ стихотвореніемъ былъ встрѣченъ Новый Годъ въ Ивановѣ въ 1896 г., стихотвореніемъ, съ недостатками формы котораго невольно миришься—принимая во вниманіе тогдашнюю степень подготовки его автора.

„Въ 1896 г. примкнули къ движенію Кисляковъ, Корниловъ, Володина, Семенчиковъ. Вся дѣятельность ивановской организаціи основывалась на саморазвитіи членовъ и

вербовки новыхъ лицъ,—людей честныхъ, которые выдѣлялись изъ среды своими стремленіями къ знаніямъ и выражали недовольство существующимъ порядкомъ. Каждый членъ обязанъ былъ платить 2% со своего заработка на книги и т. п. расходы по организаціи. Въ скоромъ времени число членовъ умножилось настолько, что ихъ пришлось раздѣлить по районамъ и въ каждомъ районѣ устроить особую квартиру. Собранія шли въ извѣстные дни, ибо на каждомъ изъ нихъ необходимо было присутствіе членовъ-руководителей Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова“. Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что до арестовъ (въ январѣ 1896 г.) союзъ работалъ, что называется, во всю,—„дѣло шло гигантскими шагами“, рассказываетъ Талантовъ, „что ни день, то являлись новые члены. Квартировалъ я въ то время на Ямахъ (предмѣстьѣ Иваново-Вознесенска), ночи проводили почти безъ сна: на квартирѣ собирались каждый вечеръ, дымъ стоялъ коромысломъ—споры, обсужденія злободневныхъ вопросовъ, чтеніе шли безъ конца. Голова безъ сна отказывалась иногда совершенно работать, вѣки невольно слипались,—и я, сидя, засыпалъ, но возникалъ какой-нибудь важный вопросъ,—общими усиліями меня будили и разрѣшали его совмѣстно“.

Въ результатѣ фабричная администрація отказала Талантову отъ мѣста, принимая его за пьяницу, и онъ остался безъ работы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ отказъ и былъ случаемъ, который заставилъ Талантова поступить на фабрику Ясюнинскихъ въ Кохмѣ. Въ то же время работалъ здѣсь, какъ сказано выше, и Р. Семенчиковъ. Для ивановской организаціи, пытавшейся еще въ 1896 году завязать болѣе или менѣе прочныя связи съ Кохмой, была найдена теперь надежная опора.

Второй членъ Иваново-Вознесенскаго Рабочаго Союза, перешедшій въ Кохму, Романъ Семенчиковъ родился въ селѣ Сидоровскомъ, верстѣ 15 отъ Кохмы, повидимому, въ 1878 году. Послѣ обученія въ Елюнинской школѣ онъ былъ отданъ въ мальчики къ нѣкому г. Барскому, иваново-вознесенскому коммиссіонеру и театралу. Обращеніе съ нимъ было здѣсь таково, что впечатлительный мальчикъ возненавидѣлъ г. Барскаго и, не выдержавши холопской службы, убѣжалъ домой и былъ отданъ родителями на фабрику. Въ 1896 г. мы видимъ его уже въ Кохмѣ, помощникомъ красиваго мастера, и ревностнымъ послѣдователемъ иваново-вознесенскихъ пропагандистовъ.

Къ характеристикѣ этого замѣчательнаго человѣка, изъ котораго впоследствии выработался стойкій борецъ за освобожденіе рабочихъ, надо прибавить необыкновенную его страстность и рѣшительность. Всякое убѣжденіе, восприни-

мавшееся имъ, безповоротно влекло его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ въ духѣ этого убѣжденія. Казалось, для него не было ничего недостижимаго...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ весьма недюжинными способностями и росъ умственно, въ періодъ моего съ нимъ знакомства, чрезвычайно интенсивно. Въ противоположность многимъ долго сомнѣвающимся натурамъ, Р. Семенчиковъ рѣзко обрубилъ всякую связь съ религіей.

Мнѣ вспоминается слѣдующая картина. Это было въ лѣсу. Когда Семенчиковъ окончательно изъ словъ товарищей убѣдился, что существующая религія—ложь, стремящаяся своими сѣтями опутать народъ, онъ сорвалъ у себя съ груди крестъ и съ силой вонзилъ его въ кору березы... Крестъ тамъ и остался. Любя народъ, онъ умѣлъ и всѣми силами ненавидѣть его притѣснителей...

Но обратимся послѣ этой далеко незаконченной, по необходимости, характеристики Р. Семенчикова, вновь къ разсказу Д. Я. Талантова: „Спали мы оба (съ Романомъ) въ рабочихъ казармахъ и вели и здѣсь агитацію среди рабочихъ. Трудно было сдѣлать тогда въ Кохмѣ что-нибудь существенное, среди царившаго въ ту пору мрака невѣжества. Рабочіе смотрѣли на насъ, какъ черти на попа, и на каждомъ шагу мы слышали подлый шопотъ и укоры въ нашемъ безбожии и непочтеніи къ царской власти. Трудно поэтому было найти единомышленниковъ, но они все-таки были, и это обстоятельство влило въ насъ энергію еще ревностнѣе приняться за начатое дѣло.

Каждый разъ, когда передъ обѣдомъ и послѣ него намъ приходилось проходить мимо прядильной Ясюнинскихъ, изъ оконъ ея неслись всегда по нашему адресу эпитеты: „социлисты, остроумы! 1)“, приправляемые циничными ругательствами. Все это было обидно и горько переносить“. Не менѣе остроумно изощрялись въ издѣвательствахъ надъ нашими основателями Союза хозяева, администрація и конторщики. Первые считали ихъ дерзкими мальчишками, вторые презрительно обзывали „студентами“ и совѣтовали поучиться уму-разуму у гимназистовъ, походить за умомъ съ сумкой...

Но, какъ и всегда, рабочее движеніе въ Россіи (а въ частности и въ Кохмѣ) еще разъ блистательно опровергло всѣ насмѣшки и кары его враговъ, всѣ сомнѣнія его недруговъ.

Послѣ знакомства съ пѣшковцами Ф. Н. Алалыкинымъ, П. А. Кашниковымъ и другими, Талантовъ и Семенчиковъ почувствовали твердую почву подъ ногами.

1) Испорченные „астрономы“,—название, намекавшее на склонность молодыхъ энтузіастовъ рабочихъ популяризовать свои свѣдѣнія по астрономіи передъ темной массой.

Движеніе, заглохшее, было, нѣсколько послѣ отъѣзда Бучитова въ солдаты, вновь оживилось.

П. Кашниковъ уступилъ для собраній безвозмездно свою квартиру на зиму; но лѣтомъ можно было собираться въ дѣсу. Начали добывать подходящія книги. Библиотека была скудная, безъ всякаго систематическаго подбора. Были книги по физикѣ, географіи, астрономіи, минералогіи, Дарвинъ „О происхожденіи видовъ“ и популяризація его ученія Ферьера. Впослѣдствіи, когда наладились болѣе или менѣе связи съ Иваново-Вознесенскомъ, появились: Шелгуновъ, Писаревъ, Щедринъ, Писемскій и другіе. Литературы нелегальной тогда было мало, за исключеніемъ перечисленной выше у Иваново-Вознесенскаго Союза, и симпатіи кружка къ социаль-демократіи опредѣлялись по чувству, присущему рабочему движенію всѣхъ странъ.

Къ веснѣ 1897 года въ составѣ кохомскаго рабочаго кружка объединились 8 человекъ: Кашниковъ П., Алалыкинъ Ф., Талантовъ Д., Семенчиковъ Р., Сибринъ, Першинъ, Курановъ и Косяковъ (изъ граверной мастерской). Въ долину подъ соснами, у ручья близъ Пѣшкова въ 1897 году они устроили первое тайное празднованіе международнаго праздника 1-го мая и положили на немъ основаніе Кохомскому Рабочему Союзу.

На соснахъ тайно были вырѣзаны годъ, число и инициалы участниковъ празднованія.

V.

Все лѣто и осень 1897 года прошли въ Союзѣ въ привлеченіи новыхъ членовъ.

Изъ нихъ въ это время вошли въ союзъ: Китаевъ И. Г. (изъ Вонтина), Тюринъ, Смирновъ и П. Морковкинъ. Литература легальная добывалась изъ Иваново-Вознесенска, гдѣ существовала въ то время общественная книжная лавочка, открытая на товарищескихъ началахъ мѣстными культурными силами (С. П. Шестернинъ, Ф. А. Кондратьевъ и др.).

Союзъ развивался, расчищалъ вокругъ себя атмосферу, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ себѣ враговъ и сталъ беспокоить полицію. Скоро ивановскіе товарищи сообщили, что въ Кохмѣ долженъ появиться нѣкто Ивановъ-провокаторъ. Сначала члены союза ждали его появленія, а затѣмъ съ теченіемъ времени это предупрежденіе упустили изъ виду. Между тѣмъ въ артельной кухнѣ на фабрикѣ Ясюнинскихъ появился хлѣбопекъ, человекъ сознательный, но горькій пьяница. Въ пьяномъ видѣ онъ безбоязненно пѣлъ нелегальныя пѣсни и вслухъ высказывался въ противополоитель-

ственнымъ духѣ. „Насъ подкупили онъ (Григорій Савельевъ Штрифанъ, онъ же Ивановъ) своей смѣлостью“, рассказываетъ Д. Талантовъ: „и безпристрастностью сужденій. По забывъ о предупрежденіи, мы ввели его въ кружокъ. Этимъ мы сдѣлали непростительную ошибку, потому что вскорѣ стали замѣчать, что онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ полиціей, а также вспомнили данное намъ предупрежденіе. Во время одной сходки въ лѣсу мы съ угрожающимъ видомъ потребовали отъ него объясненій его загадочныхъ поступковъ, и неудовлетворенные его неискренними отвѣтами потребовали рѣшительнаго удаленія его изъ Кохмы. Угроза подѣйствовала, и Штрифанъ скрылся, но кохмская полиція стала заглядывать въ Пѣшково. Дѣйствія Союза стали еще болѣе осторожны, тѣмъ не менѣе въ началѣ декабря 1897 г. полиціи удалось открыть въ Пѣшковѣ сходку, на которой всѣ члены Союза были переписаны. Эта первая кара Союза нѣкоторое время тяжело подѣйствовала на членовъ. На мгновеніе они въ нерѣшительности остановили свои дѣйствія. Въ то же самое время фабричная администрація стала весьма косо посматривать на Д. Талантова и Р. Семенчикова, ища предлоговъ для ихъ увольненія.

Тогда-то къ Союзу подоспѣла новая помощь. Изъ Петербурга въ Кохму къ родственникамъ былъ высланъ на годъ подъ надзоръ полиціи за распространеніе с.-д. литературы (между прочимъ, майскихъ №№ „Рабочей Газеты“ 1896 года) пишущій эти строки. Имѣя еще ранѣе того сношенія съ кружкомъ Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова въ Иваново-Вознесенскѣ, я получилъ отъ нѣкоторыхъ лицъ этого кружка связи въ Кохмѣ съ Талантовымъ. Въ декабрѣ 1897 года состоялось *наше* знакомство, а затѣмъ и вступленіе мое въ Кохомскій Рабочій Союзъ. Вскорѣ несчастный случай съ Д. Я. Талантовымъ (поврежденіе пальца въ печатной машинѣ) и довольно продолжительная болѣзнь, а затѣмъ и увольненіе подъ этимъ предлогомъ съ фабрики, прервали мои сношенія съ Д. Талантовымъ. Взамѣнъ этого, Талантовъ въ январѣ 1898 г. познакомилъ меня съ Н. Семенчиковымъ, а тотъ, въ свою очередь, доставилъ мнѣ знакомство съ Алалыкинымъ и П. Кашниковымъ. Вскорѣ всѣ четверо образовали тогда руководящее ядро Союза. На первую очередь была намѣчена имъ задача самообразованія членовъ Союза и пробужденія въ нихъ классоваго пролетарскаго самосознанія. Для этого на твердыя ноги была поставлена бібліотека Союза, пополненная многими выписанными непосредственно изъ Петербурга и Москвы книгами. Въ ней появились книги: *Некрасовъ. Стихотворенія; Шмидта-ленъ и Шатрианъ. Романы; Беллами. Черезъ сто лѣтъ; Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ; Новые томы сочин. Писарева и Шемунова; Н. Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды;*

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки, только что тогда вышедшій, и К. Каутскій. Эрфуртская программа. Изъ нелегальныхъ произведеній, кромѣ Каутскаго, появились *Дассаль*. О сущности конституціи, Идея рабочаго сословія; „Рабочая Газета“; *Либкнехтъ*. Пауки и мухи; Стачка лжи къ 1-му мая 1898 г. и др. брошюры и прокламаціи, обращавшіяся въ С.-П.Бургѣ въ 1896—1898 г.г. и упомянутыя уже выше. Съ идеей трудовой цѣнности члены Союза знакомились по Свидерскому и нелегальнымъ изданіямъ; съ начатками экономической науки по А. Богданову и съ принципами международной социаль-демократіи по „Эрфуртской программѣ“ К. Каутскаго, добытой въ одномъ экземплярѣ и то съ величайшимъ трудомъ.

По рукамъ ходила и усиленно читалась „Эмма“, ром. Швейцера, „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена, „Исторія одного крестьянина“ Эркмана-Шатриана и Н. Рубакинъ „Подъ гнетомъ времени“. Современныя правовыя отношенія члены Союза изучали по весьма популярному тогда, восторжено приподнятому, соч. *Джаншиева* „Изъ эпохи великихъ реформъ“. Изъ газетъ были въ ходу „Русскія Вѣдомости“, гдѣ товарищи зачитывались корреспонденціями Толлоса изъ Берлина о соц.-демократическомъ и профессиональномъ рабочемъ движеніи въ Германіи. Читались даже выдержки изъ „Торгово-Промышленной Газеты“, обстоятельно слѣдившей тогда за работой хроникой по официальнымъ даннымъ. Для помощи при чтеніи газеты было выписано съ десятковъ словарей иностранныхъ словъ Гавкина, оказавшихъ членамъ Союза большую услугу. Изъ естественно-научныхъ книжекъ были въ большомъ ходу: *Ивановъ*. Вожій міръ (о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ); *Рубакинъ*. О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы; *М. Веренъ*. О борьбѣ человѣка съ природой; *Клодъ*. Картины міра и пионеры человечества; *Феррьеръ*. Дарвинизмъ и др. еще болѣе популярныя изданія.

Благодаря необходимой въ то время конспиративности, а также условіямъ надзора, мои непосредственныя сношенія съ Союзомъ ограничивались только указанными тремя лицами, и лишь впоследствии мало-по-малу я расширилъ кругъ своего личнаго знакомства съ остальными членами Союза. Всѣ „собранія четьрехъ“ происходили по вечерамъ на уединенныхъ дорогахъ въ лѣсу, гдѣ только и возможно было чувствовать себя въ безопасности. Даже при свѣтѣ луны свиданій старались избѣгать. Зимой утаптывали площадку около дороги и, стоя, посвящали свои короткіе промежутки свиданій обсужденію важнѣйшихъ событій изъ фабричной жизни. Налаживались въ то время связи на всѣхъ кохемскихъ фабрикахъ и необходимо было выяснить степень возможности для Союза вмѣшаться въ разгоравшуюся тогда и обостряющуюся все болѣе стачечную борьбу мѣстныхъ ра-

бочихъ и капиталистовъ. Какъ уже въ нѣсколькихъ примѣрахъ было указано выше, дѣйствовать приходилось среди безпросвѣтной тьмы и непріязненнаго отношенія къ членамъ Союза не только со стороны капиталистовъ и ихъ присныхъ, но и большинства самихъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе у членовъ Союза существовала непоколебимая и трогательная вѣра, что ясная для нихъ однихъ цѣль—скоро сдѣлается ясной и для всѣхъ. Страдали глубоко, но не смущались тѣмъ, что политическій строй, грозно царившій въ то время, не давалъ надежды на скорое его паденіе. Всѣ думали, что бороться придется при немъ десятки лѣтъ,—не менѣе 50, по мнѣнію многихъ. Но какъ ни странно, это обстоятельство давало новую силу членамъ Союза, заставляя еще больше напрягать ихъ молодую энергію.

Существенными недостатками фабричныхъ отношеній, рѣзко бьющими тогда въ глаза, были негигиеничность ситцевой фабрики (какъ и теперь) у Ясюнинскихъ, малая заработная плата (отъ 6—8 р. въ мѣсяцъ) и рабочій день 14 часовъ въ одну смѣну. На прядильной царило невозможно грубое (матерная ругань помощника директора) обращеніе съ рабочими, заработная плата была также низка (женщины зарабатывали 8—10 р., мужчины 10—18 р.), матеріаль, выдаваемый для пряжи, былъ плохъ и давалъ много браку, за который налагался штрафъ, кромѣ того происходила задержка въ выдачѣ наградныхъ денегъ.

Распределеніе рабочаго дня на прядильной на 3 смѣны по 6 часовъ каждая, еще не отмѣненная въ то время, вызвало у членовъ Союза большіе споры. Одни находили, что рабочій день въ 2 смѣны по 9 часовъ выгоднѣе для рабочихъ, другіе (очень немногіе) говорили, что 6-ти часовыя смѣны даютъ возможность веденія полевыхъ работъ. На „совѣщаніи четверыхъ“ рѣшено было поддерживать 2 смѣны по 9 часовъ, какъ распорядокъ, при которомъ хотя и труднѣе работать, но который въ концѣ концовъ выгоднѣе для приходящаго на фабрику рабочаго, у котораго уходитъ много времени на ходьбу и все-таки не остается времени на полевые работы. Кромѣ того, по вопросу о полевыхъ работахъ члены Союза рѣзко высказались въ томъ смыслѣ, что разрывъ съ крестьянствомъ для рабочаго необходимъ, если онъ хочетъ плодотворно бороться съ капиталомъ.

Въ результатѣ, какъ отголосокъ этого рѣшенія, въ скоромъ времени по требованію рабочихъ безъ стачки на прядильной Ясюнинскихъ были введены двѣ 9-ти часовыя смѣны.

Любопытно, что рѣшеніе членовъ Союза, требовавшихъ окончательнаго разрыва рабочихъ съ землей и для этого сознательно отстаивавшихъ большую продолжительность фабричныхъ смѣнъ (вмѣсто 6—9-ти часовыхъ), оказалось какъ

разъ прямо противоположнымъ скрытымъ стремленіямъ обезсилить рабочихъ, стремленіямъ, которыя проявились въ то время какъ у фабрикантовъ, такъ и у крупныхъ землевладельцевъ.

„Недавно въ Шуйскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи“, говоритъ Сергій Шестернинъ ¹⁾: „фабриканты Дербеневъ (ивановскій) защищалъ свой проектъ закрытія фабрикъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ“. Точно также: „губернскій съѣздъ земскихъ начальниковъ въ Тульской губ. въ 1898 году постановилъ ходатайствовать о закрытіи фабрикъ на лѣто, чтобы такимъ путемъ дать сельскимъ хозяевамъ возможность пользоваться большимъ предложеніемъ рабочихъ рукъ“ ²⁾.

Короче, фабриканты и аграріи хотѣли подѣлить между собой рабочую силу, для того, чтобы ни здѣсь, ни тамъ она не могла оказать сильнаго сопротивленія ихъ эксплуататорскимъ замысламъ.

Но возвратимся къ Союзу. Кромѣ библіотеки, у него существовала касса, составлявшаяся, какъ и въ Ивановѣ, изъ 2% взноса съ заработка. Идеинная работа въ Союзѣ заняла всю зиму и весну 1898 года.

Въ Петербургѣ возникло и развивалось въ то время движеніе „экономистовъ“ съ „Рабочей Мыслью“ въ качестве руководящаго органа. Намѣчались и зачатки движенія „рабочедѣльцевъ“ въ послѣдствіи съ „Рабочимъ Дѣломъ“ во главѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже заканчивалась подготовительная работа въ Кіевскомъ руслѣ социаль-демократическаго движенія: по инициативѣ „Рабочей Газеты“ собирався I-й съѣздъ Р. С.-Д. Р. Партіи съ манифестомъ, написаннымъ П. В. Струве, бывшимъ въ то время еще социаль-демократомъ.

Извѣстіе объ основаніи Р. С.-Д. Р. П. пришло въ Кохму ранней весною 1898 г. „Совѣщаніе четырехъ“ собралось на свиданіе у трехъ березъ въ полѣ, гдѣ находится въ настоящее время быстро выросшая на этомъ мѣстѣ деревня Сидѣево. Здѣсь Кохомскій Рабочій Союзъ просто принялъ къ свѣдѣнію фактъ образованія Р. С.-Д. Р. Партіи, войдя въ нее съ этого времени въ качестве одного изъ ея маленькихъ членовъ. Важнѣе для Союза въ тотъ моментъ были текуція дѣла, къ которымъ немедленно и перешло совѣщаніе.

Лѣтомъ, въ іюль 1898 г. былъ добытъ одновременно для Кохмы и Иваново-Вознесенка и первый „Манифестъ Партіи“. На пригоркѣ въ Афонасовскомъ оврагѣ по дорогѣ изъ Кохмы въ Иваново-Вознесенскъ состоялось тогда небольшое собраніе, на которомъ онъ и былъ прочитанъ совмѣстно съ нѣкоторыми кохомскими и ивановскими товарищами (покой-

¹⁾ Сергій Шестернинъ. Г. Иваново-Вознесенскъ, Р. Б. 1901 г., III кн.

²⁾ Тамъ же.

ный Курочкинъ, Р. Семенчиковъ и другіе). Вскорѣ послѣ этого въ Ивановѣ образовался И.-В. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Невольно возникаетъ теперь вопросъ, въ какомъ отношеніи къ указаннымъ тремъ (или, по крайней мѣрѣ, двумъ опредѣлившимся тогда) теченіямъ рабочаго движенія стоялъ Кохомскій Рабочій Союзъ? Вопросъ этотъ приходится поставить вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ частыми упреками въ „экономизмѣ“, который бросали иваново-вознесенцамъ товарищамъ и раньше въ „Листкѣ Работника“ отъ 1896 года и позднѣе, присоединяя сюда еще упрекъ въ симпатіяхъ къ направленію „Рабочаго Дѣла“. Постараемся разобраться въ этомъ вопросѣ, по возможности, безпристрастно.

Если припомнить, что основатели Кохомскаго Рабочаго Союза частью происходили изъ кружка ивановцевъ 1895 г., гдѣ устами Махова подъ Новымъ 1896 годомъ было провозглашено, что кружокъ желаетъ прогресса „славной партіи социальной демократіи“, то не останется сомнѣнія—въ безусловной идейной принадлежности членовъ Союза къ чисто социаль-демократическому теченію рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было указано на тѣ трудности, которыя встрѣчали члены Союза на своемъ пути. Ихъ укоряли въ безбожіи и непочитаніи царской власти сами же рабочіе. Поневолю практически порой приходилось казаться POSSИБИЛИСТАМИ въ духѣ экономизма и въ извѣстной мѣрѣ постепеновцами въ духѣ „Рабочаго Дѣла“. Но опредѣленно ни то, ни другое направленіе не стало, какъ это прекрасно извѣстно въ настоящее время, въ основу мѣстнаго (Кохомскаго) движенія. То же показываетъ и фактъ весьма благоприятнаго отношенія членовъ Кохомскаго Союза къ появленію ¹⁾ Майскаго Листка 1898 года, на краяхъ котораго жирнымъ шрифтомъ впервые были отпечатаны лозунги: „Да здравствуетъ политическая свобода! да здравствуетъ 8-ми часовой рабочей день!“—лозунги, какъ извѣстно, считавшіеся необыкновенно дерзкими для петербургскихъ „экономистовъ“ изъ „Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класа“ въ 1900 году. Сдѣлавши эту оговорку, возвратимся къ судьбамъ Союза.

Въ концѣ 1897 г. совершенно стихійно разыгралась сдѣлавшаяся почти всеобщей стачка иваново-вознесенскихъ прядильщиковъ, ткачей и ситцепечатниковъ. Руководить громаднымъ движеніемъ было ни подъ силу Иваново-Вознесенскому Союзу, но участіе въ забастовкѣ онъ принялъ, влившіи въ нее организующее вліяніе отдѣльныхъ своихъ членовъ. Необыкновенная энергія, развитая тогда однимъ изъ членовъ Союза, умершимъ впослѣдствіи въ ссылкѣ въ Олонецкой губ., сплотила всю массу рабочихъ, дала ей воодушевленіе, бодрость и рѣшимость стойко бороться до конца. Изъ сбе-

¹⁾ Въ небольшомъ количествѣ ходилъ по рукамъ и не разбрасывался.

регательныхъ кассъ быстро уплывали небольшіе запасы рабочихъ, которыми они дѣлились другъ съ другомъ.

Были выставлены требованія: 1) установить старое число праздничныхъ дней (уменьшаемое по закону 2 іюня 1897 г.); 2) кончать работу въ 6 ч. вечера наканунѣ праздниковъ; 3) контролировать штрафной капиталъ ежемесячно самимъ рабочимъ; 4) дозволить работу смѣнщикамъ; 5) освобождать роженицъ отъ работъ за 2 недѣли до и на 2 недѣли послѣ родовъ; 6) оказывать помощь роженицамъ, не только изъ суммъ штрафного капитала, но и изъ страхового; 7) уплатить заработную плату за все время забастовки.

Ни администрація фабрикъ, ни власти ничего не могли сдѣлать съ забастовкой, кромѣ примѣненія своихъ обычныхъ жестокихъ мѣръ. Какъ бы то ни было, забастовка, хотя и не вполне удавшаяся, сильно спаяла рабочихъ и отразилась на окрестностяхъ Иваново-Вознесенска. Одной изъ первыхъ отвѣтныхъ волнъ на нее явилась іюньская забастовка (1898 г.) въ Кохмѣ. Одновременной забастовки въ Кохмѣ въ декабрѣ 1897 г. и январѣ 1898 г. не произошло, благодаря уступкамъ фабрикантовъ по вопросу о праздникахъ.

Хотя за это время изъ Кохомскаго Союза выбыль сначала Д. Талантовъ, котораго не приняли обратно на фабрику будто бы по болѣзни руки, а затѣмъ и Р. Семенчикова (въ Иваново), но силы Союза значительно окрѣпли, а негодование рабочихъ на притѣсненія, практиковавшіяся на прядильной фабрикѣ Ясюнинскихъ, все росло и росло. Это заставило членовъ Союза выступить впервые открыто. Честь эта выпала на долю Ф. Алалыкина и М. Першина. Прошедшій незадолго до этого арестъ Смирнова показалъ всѣмъ членамъ Союза, что близокъ и ихъ чередъ. Тѣмъ съ большей рѣшимостью проявили они себя.

Долго копившееся недовольство рабочихъ стихійно вырвалось наружу,—но толпа, смѣлая до забастовки, ступевалась бы предъ властями, если бы не организуемая работа Союза.

Ф. Н. Алалыкинъ и Першинъ предъявили фабричному инспектору и администраціи цѣлый списокъ совместно выработанныхъ членами Союза *требованій*. Въ числѣ ихъ стояли: повышение заработной платы на 5%; удаление мастера (помощника директора); вѣжливое и гуманное обращеніе съ рабочими, замѣна стараго ремонта новымъ; выдача задерживаемыхъ денегъ и пр.

Всѣ требованія рабочихъ, по совѣту фабричнаго инспектора, были признаны хозяевами справедливыми (послѣ времени!) и удовлетворены послѣ 2-3 дневной стачки. Всѣ рабочіе были приняты на работу. Впервые рабочіе на членовъ Союза стали смотрѣть какъ на защитниковъ интересовъ рабочаго класса, и первая побѣда Кохомскихъ рабочихъ въ 1898 г. сдѣлалась первой побѣдой мѣстнаго сознательнаго

рабочаго движенія, первой побѣдой Кохомскаго Рабочаго Союза. Само собой разумѣется, однако, что полиція не пропустила Ф. Н. Алалыкину и Першину ихъ смѣлаго выступленія. 2-го іюля 1898 года Алалыкинъ, П. Кашниковъ и Першинъ были арестованы и отвезены въ Шуйскую тюрьму.

Послѣ ареста пѣшкковцевъ налаживать дальнѣйшую работу въ Союзъ пришлось мнѣ. Для этого мною были завязаны связи съ Ив. Китаевымъ (изъ Вонтина), Тюринымъ, Курановымъ и др. До сентября мѣсяца 1898 года продолжалась моя непосредственная работа. Союзъ снова сталъ на ноги, когда мнѣ за окончаніемъ высылки пришлось оставить Кохму и ѣхать на югъ Россіи.

Небольшая кучка членовъ Кохомскаго Союза продолжала свою работу ровно въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ послѣ ареста первой группы: 2-го октября 1898 г. арестовали Китаева, Тюрина и Морковкина, а въ Иваново-Вознесенскѣ взяли Талантова и Семенчикова. Полиція подозрѣвала, повидимому, организующее вліяніе автора этого очерка, но у нея не было пока достаточныхъ для ареста данныхъ ¹⁾. Уже чрезъ 1½ мѣсяца заключенные второй группы были выпущены на свободу съ обязательствомъ не отлучаться отъ родныхъ деревень. Въ декабрѣ того же года былъ арестованъ Курановъ и на тѣхъ же условіяхъ до рѣшенія дѣла были освобождены изъ Владимирской губ. тюрьмы и Алалыкинъ, П. Кашниковъ и Першинъ.

Медленно и по необходимости осторожно начали возвращающіеся изъ тюрьмы возстановлять полуразрушенную организацію Союза. Населеніе было напугано арестами, но идея рабочаго движенія уже не замирала. Въ Союзъ вступали понемногу новые члены. Въ апрѣлѣ 1899 г. на „конспиративной“ квартирѣ П. Козлова были арестованы самъ хозяинъ, М. Китаевъ (изъ Боголюбовской слободы), Жаровъ и Евл. Дунаевъ. Послѣдніе трое состояли въ то время членами Иваново-Вознесенской организаціи. На квартирѣ нашли прокламаціи, литературу и гектографъ. На допросѣ много лишняго выболтали и П. Козловъ и Мих. Китаевъ.

П. Козловъ былъ выпущенъ на свободу, остальные сидѣли по разнымъ мѣстамъ. Евл. Дунаевъ 6 мѣс. съ лишнимъ провелъ въ тюрьмахъ Ивановской, Шуйской и Владимирской. Выпущенный изъ тюрьмы онъ 1 годъ и 3 мѣсяца отбывалъ особый надзоръ полиціи въ Царицынѣ и Саратовѣ, а послѣ этого по приговору отбылъ 1 годъ заключенія въ „Крестахъ“ въ Пбургѣ.

Продолжая свои сношенія съ Союзомъ и доставляя литературу наѣздами въ Кохму, я познакомился въ концѣ 1899 г.

¹⁾ Это обстоятельство сообщили мнѣ впоследствии арестованные тогда товарищи.

черезъ П. Кашникова съ П. Козловымъ, слесаремъ съ фабрики Щербаковыхъ. Самъ глубоко вѣрящій въ рабочее дѣло и преданный идеѣ рабочаго класса, П. Кашниковъ отличался и большой довѣрчивостью къ людямъ, считая возможнымъ пользоваться услугами для Союза порою совершенно непригодныхъ для этого людей. Къ такимъ людямъ и можно было отнести П. Козлова и Л. Черкасова. Послѣдній несомнѣнно выдавалъ товарищей. Какъ бы то ни было, знакомство было сдѣлано. Въ январѣ 1900 года Алалыкинъ, Кашниковъ, Талантовъ и Тюринъ были высланы въ г. Петровскъ Дагестанской области, первые трое на 2 года, а Тюринъ на 1 годъ (по собственному выбору, надѣясь найти тамъ работу на мѣстной фабрикѣ по приговору, состоявшемуся въ декабрѣ 1899 г.

Къ тому времени Р. Семенчиковъ былъ уже въ солдатахъ (съ ноября 1899 г.), состоя подъ надзоромъ воинскаго начальства въ Муромскомъ пѣхотномъ полку въ Острелевкѣ. Это были тяжелые годы его жизни, о которыхъ и впоследствии ему трудно было вспоминать, по его собственному признанію. Изъ остальныхъ членовъ Союза И. Г. Китаевъ (изъ Вонтина, близъ Кохмы) и П. Морковкинъ были высланы въ Ростовъ-на-Дону срокомъ на 1 годъ, по собственному своему выбору, Курановъ же оставленъ на годъ надзора въ своей деревнѣ.

Теперь Кохомскому Рабочему Союзу пришлось переживать тяжелыя времена. Оставшіеся въ немъ ненадежные работники требовали помощи извнѣ. Передъ Пасхой 1900 г. было рѣшено прекратить самостоятельное существованіе Кохомскаго Союза и присоединиться къ организованному въ Иваново-Вознесенскѣ Иваново-Вознесенскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. въ качествѣ *четвертаго* автономнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ района.

Для поясненія надо сказать однако, что организаціи въ то время на первыхъ порахъ существованія Партіи были весьма неопредѣленны и неустойчивы. Такъ, и въ Иваново-Вознесенскѣ, кромѣ Комитета, существовалъ въ то время и „Союзъ Рабочихъ Русскаго Манчестера“. Объясняется это, конечно, отсутствіемъ массоваго социаль-демократическаго сознанія среди мѣстныхъ рабочихъ.

Несмотря на прекращеніе самостоятельной дѣятельности Кохомскаго Рабочаго Союза въ апрѣлѣ и началѣ мая 1900 г., членовъ его постигли тѣмъ не менѣе послѣднія кары. Въ Кохмѣ, ПБургѣ и Петровскѣ произошли новые аресты. Въ Кохмѣ были арестованъ вторично П. Козловъ, и въ этотъ разъ не понесшій никакого наказанія и скоро освобожденный изъ заключенія, вѣроятно, за „чистосердечный разговоръ“ о всемъ, что онъ зналъ. Въ ПБургѣ были арестованъ авторъ этого очерка и въ Петровскѣ вновь Ф. Алалыкинъ, а въ

Ростовѣ в/Д были произведены обыски у ссыльныхъ И. Г. Кутаева и П. Морковкина.

К. Н. Алашкинъ, послѣ ареста въ Петровскѣ, подвергся новой карѣ. Ему измѣнили приговоръ, назначивши 6 мѣсяцевъ тюрьмы, которую онъ отбылъ въ Петровскѣ и 2 года ссылки въ Стерлитамакѣ Уфимской губ.; пишущій эти строки послѣ семи мѣсяцевъ сидѣнія въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ ПБургѣ отбывалъ 1 годъ и 3 мѣсяца особаго надзора полиціи въ г. Тифлисѣ, а затѣмъ по приговору былъ сосланъ на 4 года въ Вятскую губернію, отгуда вернулся въ ПБургъ по манифесту 11 августа 1904 года.

Полиція и мѣстныя власти торжествовали. Кохомскій Рабочій Союзъ и вся организація его перестали существовать; всѣ члены Союза перваго состава очутились въ ссылкѣ; весьма немногіе изъ оставшихся совершенно ушли отъ работы.—Но торжество было преждевременно.

Движеніе замерло, но не было убито. Уже въ концѣ 1900 года организація въ Кохмѣ оправилась, и вновь закипѣла работа. Ея исторія тѣсно сплетается уже съ исторіей сначала Иваново-Вознесенскаго К-та, а затѣмъ—Сѣвернаго Союза Р. С.-Д. Р. Партіи.

VI.

На общественномъ кладбищѣ въ г. Грозномъ Дагестанской области есть затерявшаяся среди другихъ холмиковъ скромная могила. Никто не заботится о ней, никто не приходитъ навѣстить ее. Могила эта хранитъ прахъ одного изъ нашихъ товарищей—основателей Кохомскаго Рабочаго Союза П. Кашникова.

За полгода до его смерти я встрѣтилъ Кашникова въ послѣдній разъ.

Въ тихой прощальной бесѣдѣ мы сидѣли съ нимъ на берегу моря въ Петровскѣ. Море сердито билось о камни, бѣлая пѣна перелетала черезъ нихъ и неслась намъ въ лицо... Просторомъ и свѣжестью вѣяли волны, а кругомъ было такъ тѣсно, такъ темно...

П. А. Кашникову и жившему въ то время съ нимъ въ Петровскѣ Д. Я. Талантову тяжело доставалась жизнь въ ссылкѣ.

Бывали времена, что въ карманѣ у нихъ не было ни копейки денегъ, въ чужомъ, далеко отъ родныхъ городѣ. Тогда приходилось браться за самую тяжелую и грязную работу: чистить цистерны съ нефтью или мостить улицы Петровска, разбивая увѣсистымъ молотомъ тяжелые камни.

Жизнь зачастую безъ куска хлѣба, вдали отъ родины и участія въ рабочемъ движеніи, которое все ярче разгора-

лось тогда годъ отъ году по всей Россіи, сильно истомила П. А. Кашникова.

Для бѣгства и новой работы въ новыхъ условіяхъ, для бурной нелегальной жизни онъ не былъ подготовленъ да и не подходилъ по своему характеру.

Къ тому же, въ душѣ его затаенно, тихо, но упорно и страстно царил надежда вернуться на родину.

Для этого стоило жить, для этого стоило думать—къ родинѣ неслись мечты и П. Кашникова и П. Талантова.

За отъѣздомъ Ф. Алапыкина въ ссылку въ Уфимскую губ. они остались одиноки.

Зима проходила въ тяжелой работѣ на пристани подъ немолчный шумъ прибоа, лѣтомъ томили горячія южныя лихорадки.

Лѣтомъ 1902 г. по окончаніи срока ссылки онъ выбрался въ Армавиръ, чтобы немного заработать денегъ для отъѣзда на родину.

Тамъ къ истощенному тяжелой работой и лихорадкой организму привязался тифъ, и въ нѣсколько дней П. А. Кашникова не стало.

Онъ умеръ одиноко въ общественной больницѣ г. Грознаго, такъ какъ въ Армавирѣ такой не имѣлось.

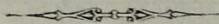
Родные и односельчане провожали его въ ссылку торжественно съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, мать и братъ прощались съ нимъ съ надеждой на его возвращеніе...

Онъ не вернулся — и нѣтъ его съ нами.

Какъ жаль, какъ странно не слышать его словъ, полныхъ безспорной преданности дѣлу рабочихъ:

„Рябятишки, ¹⁾ помните, мы—сознательные рабочіе, идя къ своей великой цѣли, должны быть такъ чисты, чтобы ни единого пятнышка не было на насъ, ни одинъ несправедливый упрекъ не коснулся насъ“... Такимъ онъ прожилъ свою недолгую жизнь, такимъ встаетъ въ нашей памяти—и уже навсегда остается въ ней.

А. Рябининъ.

¹⁾ Тогда совсѣмъ еще не употреблялось въ его настоящемъ значеніи и не было въ ходу слово „товарищи.“

